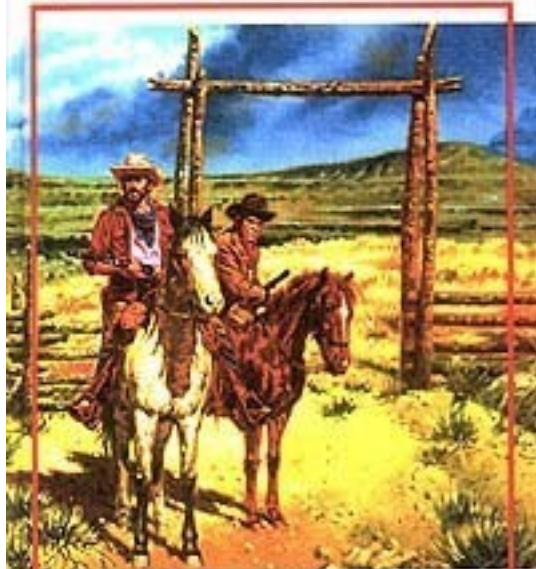

ВИНЧЕСТЕР
ЛУЧШИЕ ВЕСТЕРНЫ

МАКС БРЭНД
ВОЗВРАЩЕНИЕ ДЕСТРИ

Макс Брэнд

Возвращение Дестри

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=136314

Возвращение Дестри: Романы-вестерны.: Центрполиграф; Москва;

1998

ISBN 5-227-00036-0

Аннотация

У Гарри Дестри в родном городе Уоме, к несчастью, оказалось врагов больше, чем друзей. Несправедливо осужденный за ограбление почтового экспресса – преступление, которого он не совершал, Дестри возвращается, чтобы отомстить.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	19
Глава 3	27
Глава 4	38
Глава 5	49
Глава 6	60
Глава 7	70
Глава 8	80
Глава 9	90
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Макс Брэнд

Возвращение Дестри

Глава 1

– Паршивый старый городишко, не на что и рассчитывать! От тебя никогда не было большого толку, да и впредь, похоже, не будет. Провалиться мне на этом месте, если ты не похож на меня как две капли воды! – проворчал Гарри Дестри, выйдя на улицу из салуна «Глоток удачи» и облокотившись на скользкие, объединенные лошадьми перила, поддерживающие навес над крыльцом салуна.

Перед ним, петляя, будто свернувшаяся на солнце змея, тянулась главная улица Уома, исчезающая где-то далеко вдали.

Свое название городишко получил еще в незапамятные времена, когда и городом-то не был – так, просто парочка захудалых лавчонок да салунов, куда съезжались пропыленные ковбои с запада и с востока, с севера и с юга, а собравшись, приветствовали друг друга радостным «Уом!» – возгласом, похожим на оглушительный выстрел из винтовки. Городишко понемногу разросся, скотоводы по-прежнему заглядывали сюда, чтобы опрокинуть стаканчик-другой с приятелями. А кроме того, Уом находился на пути в Кристалл-Маунтинз,

поэтому караваны тяжело груженных фургонов, запряженных усталыми мулами, то и дело шли через него в направлении пыльных меловых склонов, за которыми лежали золотые прииски.

Однако известность Уома еще не достигла такого уровня, чтобы удовлетворить взыскательным требованиям Гарри. Он никогда не забывал об этом городке, ни на минуту, ведь ему была знакома тут каждая вывеска, всех его торговцев он знал в лицо, да и не только их. Он был накоротке со многими жителями — от адвокатов до кузнецов. И в этом не было ничего удивительного, поскольку Дестри вырос вместе с Уомом. Когда-то он шлепал босыми пятками по его пыльным улочкам, потом здесь же учился в школе. Но по мнению самого Гарри Дестри, самым ценным бриллиантом в венчающей его короне, которым он дорожил превыше всего на свете, было участие в бесчисленных уомских драках. В них он нередко рисковал жизнью и ни разу не испытал горечи поражения.

Сражался Гарри не ради выгоды и не ради славы. Нет, только ради той пьянящей радости, которую сама по себе дарит настоящая схватка. Он всегда дрался исключительно врукопашную, не унижаясь до того, чтобы отстаивать свою жизнь с ножом или револьвером, и вот теперь он вернулся домой. Для него слово «Уом» звучало как сладчайшая музыка, как имя лучшего в мире города, хотя Дестри скорее бы умер, чем признался в этом. Он был плоть от плоти его и

любил его так же сильно, как низко ценил.

Окинув городок внимательным взглядом, Дестри мигом отметил новую крышу, белоснежную, с еще свежей кровельной дранкой, и придирчиво огляделся вокруг, стараясь догадаться, что за новый человек появился в Уоме. А зашагав по улице, не миновал еще и первый поворот, как нос к носу столкнулся с Честером Бентом.

– Ух ты, лопни мои глаза, кого я вижу?! – изысканно приветствовал его Дестри. – Будь я проклят, если это не коротышка Чет Бент, разряженный в пух и прах! Не иначе как в воскресную школу собрался, а, Чет? Как дела, дружище? А покажи-ка ручки, старина, – маникюр все еще держится?

Честера Бента ни один человек в здравом уме не назвал бы коротышкой. Более того, у него в запасе была еще пара дюймов, благодаря которым он мог поглядывать на Гарри сверху вниз. Да и преимущество в весе, этак в двадцать пять фунтов, придавало ему некоторую солидность. Но Бент навсегда запомнил тот проклятый день, когда много лет назад пал жертвой неукротимой ярости этого бешеного Дестри, налетевшего на него с кулаками. Гарри победа тоже далась нелегко. За обманчиво мирной внешностью унылого, добродушного тюленя Чета скрывалась недюжинная сила, а за привычной усмешкой пряталась железная воля настоящего бойца. Трижды они сходились лицом к лицу и дважды их с окровавленными кулаками растаскивали добровольные секунданты, не желавшие поражения ни одному из них. Наконец в тре-

тий раз схватились на самом краю бассейна. Дело кончилось тем, что Бент рухнул на спину и не смог подняться, а Дестри стоял над ним, пока поверженный соперник не прошептал разбитыми губами, что с него хватит. С того достопамятного сражения кулаки Дестри больше не угрожали Бенту, Гарри стал к нему обращаться с добродушным презрением.

При этом не играло никакой роли то, что Честер с каждым годом богател, стал одним из самых преуспевающих людей в городе – ему принадлежал магазин и несколько домов. Более того, намеревался купить долю в золотых приисках. Все равно в глазах Дестри он по-прежнему оставался коротышкой Четом, и все благодаря той победе возле бассейна. Но Гарри совершил непростительную ошибку. Он не понял тогда и не догадался потом, что хотя на свете есть немало такого, что большинство людей с легкостью выбрасывают из памяти, черный миг, когда мужчина или мальчишка вынужден произнести разбитыми в кровь губами постыдные слова: «Довольно, я сдаюсь!» – невозможно ни забыть, ни простить.

Увидев ковбоя, Бент с трудом заставил себя улыбнуться.

– А что это ты тут делаешь, возле обувной лавки? – начал Гарри. – Ждешь, когда тебе предложат парочку сапог, а, Чет?

– Да нет, просто жду, – хмуро ответил Бент. – Пообещал Дэнджерфилду, что возьму с собой Чарли и привезу ее в целости и сохранности. Она сейчас в магазине, примеряет туфли...

– Да что ты говоришь?! Выходит, Чарли здесь? Так я пой-

ду с ней поздороваюсь! – объявил Дестри. – Пошли, поддержишь мое пальто, старина.

Он величественно прошествовал в лавку, где вспотевший от волнения юноша продавец, пыхтя от смущения, пытался надеть кожаную бальную туфельку на ножку хорошенькой шестнадцатилетней девушки. Пышная грива ее волос была откинута назад и заплетена в длинную косу, кончик которой выгорел на солнце до такой степени, что стал почти белым.

– Эй, привет, Чарли! – окликнул ее Гарри. – Как дела, малышка? И куда, скажи на милость, подевались твои веснушки?

– Я их вывела, – весело ответила Чарли Дэнджерфилд. – А куда, скажи на милость, подевались твои шпоры?

– Оставил в «Глотке удачи», – хмыкнул Дестри. – У меня их выпросили, хотят повесить там на стену как амулет.

– Понятно, проиграл в покер, – заявила она не моргнув глазом.

– Вот всегда так! – проворчал Гарри. – Интересно, откуда ты успела узнать?

– А мне это вовсе не обязательно, – хихикнула девушка. – Достаточно на тебя взглянуть – и все ясно. Небось проиграл еще долларов шесть? Верно?

– Пять с половиной, – быстро возразил Дестри. – Кто тебе сказал?

– Господи, да я просто слышала, что ты пробыл в Серкл-Игрек шесть дней, вот и все.

– Ладно, идет. Расскажу тебе, Чарли, как было дело. Ты же знаешь, мне обычно везет, и тут карта шла – лучше не бывает, хоть прикуп не бери! Сбросил одну, а Сим Харпер – три. Поэтому я поставил на кон и старый револьвер, и все деньги, и новый шелковый платок, даже шпоры! А этот мошенник ну просто наколдовал! И когда взять с меня уже было нечего, выложил на стол четыре дамы. Все четыре ухмыльнулись мне прямо в лицо! Ну скажи, видела ты когда-нибудь в жизни, чтобы человеку так отчаянно не повезло?!

– Простофиля ты! – отозвалась Чарли Дэнджерфилд. – Бери пример с Сима!

– Да не следил я за ним! – с досадой отмахнулся Дестри. – Когда появились эти четыре дамы, у меня в глазах помутилось! До этого сидел и видел моего конягу под седлом, пару новых удочек, мечтал, как славно месячишко-другой порыбачу в Кристалл-Маунтинз... И вдруг все это словно сквозь землю провалилось! Еще минуту назад я шлепал губами будто форель, заглотнувшая жирную муху, а тут счастье развеялось как дым! До того ли мне было, чтобы еще за его руками следить?!

– Так ты что же, лошадь с седлом тоже проиграл?!

– А то как же?! Да если бы не это, разве б я поставил на кон шпоры? – возмутился Дестри. – Похоже, ты, Чарли, не только веснушки свела, но и ума лишилась! Ну для чего тебе понадобилось от них избавляться, скажи на милость? Глупая девчонка! У женщин весь ум в веснушках, разве тебе не го-

ворили? А ты что скажешь, Чет?

Честер Бент в это время молча водил глазами по бесчисленным коробкам с обувью, сваленным во всех углах лавочки. На вопрос Гарри он только молча пожал широченными плечами.

– Малыш Чет все витает в облаках, – усмехнулся Дестри. – Послушай-ка, Джордж, – обратился он к молоденькому продавцу, – что за размер у этих туфель?

– Пятый, – почтительно ответил юноша.

– Так что же ты, парень, неужто совсем ослеп? – саркастически поинтересовался Гарри. – Или решил просто последний раз потренироваться? Гляжу, ты большой любитель повозиться у ножек прекрасных дам!

– Но пятый мне всегда был как раз, – запротестовала девушка. – В последний раз я...

– Когда это было? Или ты, может, веришь в чудеса? Полагаешь, ноги у тебя навсегда останутся маленькими?

– Не смешно, Гарри, – фыркнула она. – С юмором у тебя всегда было плоховато, но вот грубияном и тупицей ты вроде бы никогда не был. Выходит, изменился за это время!

– Ну, в чем-то ты, конечно, права. Наверное, изменился. Может, и впрямь стал грубияном, но вот что касается ног и туфель – тут я собаку съел. Размер могу определить на глазок, хоть завтра готов идти торговать в лавку. Слушай, Джордж, не мучайся, принеси-ка лучше седьмой размер. Сдается мне, барышне они будут в самый раз. Давай,

давай, парень, поторапливайся! Не везти же мне девочку домой босиком!

Он ловко опустился на одно колено перед онемевшей девушкой и обхватил ладонью ее обтянутую чулком лодыжку. Ножка нетерпеливо дернулась и попыталась вырваться на свободу.

– Ого, девочка! – промурлыкал Дестри. – Тихо, тихо, не дрыгайся! Что за черт, малышка, ты чуть не попала мне в нос!

– А ты не хватай меня за ногу! – проворчала Чарли. – И вообще пошел прочь, Гарри Дестри! Убирайся и езжай туда, куда ехал. У меня и без тебя забот хватает! К тому же мистер Бент тоже торопится, разве не видишь?

– Поэтому-то я и хочу избавить мистера Бента от лишних забот, разве ты не понимаешь? – хмыкнул Дестри. – Джордж, нечего попусту пялить глаза! А ну, марш, принеси туфли седьмого размера, и поживей! Ты только посмотри, на что готова эта бедняжка! Пыхтит, пытается втиснуться в колодки на два размера меньше, чем нужно, чтобы потом всю жизнь мучиться мозолями! Будь я проклят, если старушка не лезет из кожи вон, лишь бы мне понравиться!

– Тебе? – с недоумением в голосе вмешался Бент, которого это невероятное заявление заставило прислушаться.

– Ну, еще бы! – сказал Дестри. – Когда девчонка покончит с этими башмаками, я, пожалуй, на ней женюсь!

– Фу-ты, черт! – хмыкнула девушка, с негодованием дер-

нув плечами. И еще больше разозлилась, почувствовав, как у нее неожиданно предательски заалели щеки. – Вот что я тебе скажу, Гарри Дестри, – у тебя, похоже, язык без костей! Мелешь, мелешь, слушать тошно!

– Привет, Чет! – раздался голос хозяина лавки, вышедшего к ним в этот момент. – Ты видел шерифа?

– Что? Видел кого? – пробормотал Бент, не поднимая глаз, будто погруженный в собственные мысли.

– Похоже, шериф с ног сбился, разыскивая тебя. Сейчас вон помчался вниз по улице.

– А! – равнодушно промычал Чет. – Надеюсь, бедняге повезет и он меня разыщет. А ты, Чарли, что думаешь? Неужто согласишься выйти за Дестри?

– Ты с ума сошел?! Чтобы я вышла за этого ленивого, беспомощного, бестолкового болвана?! – возмутилась девушка, сверкая глазами в сторону Гарри.

– Конечно, радость моя! – заявил тот. – Я ведь по тебе с ума схожу! К тому же не забывай, мы с тобой вроде как давно помолвлены.

– Ничего подобного! – возразила она. – Не выдумывай!

– Что ты говоришь?! Неужто забыла, как я тебя на руках перенес через Грозовой ручей?

– Чет! – воскликнула Чарли, заикаясь от переполнявшей ее злобы. – Ты только послушай, что городит этот нахал! Пристает к бедной девушке и, будь уверен, прохода мне не даст, будет изводить с утра до ночи, пока не услышит, что я

согласна выйти за него!

– А еще ты поцеловала меня, милочка, и сказала, что будешь всегда, всегда любить старину Гарри, разве не так? Неужто забыла?

– Гарри Дестри, – серьезно произнесла девушка, – я ведь больше не ребенок! Взгляни на меня, я уже не та сопливая девчонка, которая сама не знает, что говорит! И если ты немедленно не закроешь свой лживый рот, я тебя поколочу!

– Ты никогда и не была сопливой девчонкой, – невозмутимо ответил он. – Ты родилась взрослой и всегда знала столько, сколько другому человеку и во сне не приснится. Ну а теперь перестань хмуриться и посмотри, как эти туфли замечательно тебе подошли.

Действительно, туфельки двумя размерами больше облегли длинную, стройную ножку как вторая кожа.

На глаза Чарли навернулись слезы.

– О Гарри! – всхлипнула она. – Но ведь они такие огромные! И каблуки! О Господи, да я в них буду не меньше шести футов ростом!

– Вот и отлично, радость моя! – улыбнулся Дестри. – Не бери в голову. Мне ты как раз до плеча. Видишь, как тебе повезло? Парень я что надо – высокий, симпатичный, а всякий скажет, что и человек терпимый, с легким характером, и уж конечно, приличный, хоть мне порой и не везет в жизни, особенно с работой.

– А как же ты умудрился вылететь с Серкл-Игрек? –

встревоженно спросила девушка, у которой моментально вылетели из головы все нелепые притязания этого наглеца. – Впрочем, знаю! Наверняка снова с кем-нибудь подрался!

– С чего ты это взяла? – Дестри закатил глаза с самым невинным видом. – Ничего подобного! Да и сама подумай, малышка, ну с кем мне там драться, на этом занюханном Серкл-Игрек? С запуганными с самого рождения объездчиками? Или с черномазыми, которых вышвырнули вон после того, как они состарились?

– Я слышала, там недавно наняли Костлявого Шведа. Говорят, ему поднять тысячу фунтов – что раз плюнуть! Держу пари, именно с ним ты и поцапался.

– Ох, Чарли! – восторженно ухмыльнулся Дестри. – Ну ты и хитрюга! Ну и змея! И как только я не боюсь связаться с тобой на всю жизнь?

– Так что там со Шведом? – резко спросила она.

– Немножко нездоров. Ослабел, знаешь ли, паршиво себя чувствует, и все такое. Похоже, у парня желудок не в порядке, вот это и перекинулось на глаза. Иначе с чего бы они у него так заплыли да синяки появились? Бедняга почти ничего не видит, все лицо опухло. Ни пить, ни есть не хочет – говорит, аппетита нет. Да и какой может быть аппетит, если и зубов-то осталось раз-два и обчелся! Жевать нечем. Но доктор мне пообещал, что вставит ему новую челюсть из целлулоида. Так что парень будет как новенький, а может, даже лучше!

– Ну, попадись ты мне в руки! – прошипела девушка. – Ух, как бы я с тобой поступила! Первым делом надела бы намордник и посадила на короткий поводок. А спускала бы, только когда в наших краях появится бешеный волк или что-то в этом роде, чтобы ты поразмялся. Все остальное время сидел бы ты на цепи как миленький!

– Так я готов, милочка, хоть сейчас, – радостно закудахтал Дестри. – Позволь, провожу тебя?

– Лучше своими делами займись! – посоветовала она сердито. – И вот тебе мой совет – поменьше увлекайся этим пойлом, которое ты готов сосать с утра до вечера!

– Да Бог с тобой, Чарли! О чем это ты? Я и капельку такого в рот не возьму!

– Не знаю, как насчет капельки, а кварту выпьешь – и глазом не моргнешь! – хмыкнула она. – Но это дело твое. Бутылка бутылкой, а меня тебе одурачить не удастся. Даже не мечтай! Пошли, Чет, с меня довольно. И так заставила тебя долго ждать.

Они вышли из лавки и направились к коновязи, где Бент оставил свою упряжку из сытых гнедых в роскошной новехонькой сбруе, сверкающей на солнце серебряными бляхами. Лошади были запряжены в щегольскую коляску с резиновыми колесами, голубые спицы которых кокетливо украшали затейливые красные разводы.

– Чур, я буду править! – воскликнула девушка и мигом подхватила вожжи.

– Так ты что же, даже не поцелуешь меня на прощанье, а, Чарли? – поинтересовался Гарри.

– Да я с большим удовольствием вытяну тебя кнутом! – воскликнула она, криво усмехнувшись. – Ты только послушай, Чет, что он говорит!

– Эй, Чет! – повернулся к нему Дестри. – Так, значит, увозишь от меня мою милочку? Ну ладно, старина, я не в обиде. Только уж оставь мне что-то вместо нее, будь добр.

Чет Бент невозмутимо оглядел улицу и кивнул.

– Я слышал, бультерьер Пайка опять сорвался с цепи, – проговорил он. – Проклятая тварь загрызет еще кого-нибудь прежде, чем солнце сядет, вот помяни мое слово!

– Да неужто? Похоже, ты прав, – сказал Дестри и обернулся, чтобы в свою очередь посмотреть на дорогу.

В эту минуту налетевший порыв ветра откинул полу его потрепанного пальто. И он и девушка пристально вглядывались в даль, где мелькало какое-то небольшое белое пятнышко, поэтому оба не заметили быстрого движения Бента. Его рука с зажатым в ней тонким белым конвертом мгновенно скользнула во внутренний карман пальто Дестри. Миг – и он уже как ни в чем не бывало тоже смотрел вперед.

– Ты уж оставь мне что-нибудь взамен – ведь даже самая последняя крыса на приисках и то бывает благодарной, – снова потребовал Дестри.

– Ага, и оставляет за собой одну пустую породу – камни да песок! – улыбнулся Бент.

– И золотишко тоже! Во всяком случае, я так слышал.

– Неужто слышал? Ну ладно, вот, возьми. Но в последний раз, Гарри, запомни!

– Сорок, пятьдесят... Я сейчас с ума сойду, честное слово! Ну, Чет, шестьдесят, семьдесят... Не может быть, я что, сплю? Быть такого не может! Семьдесят пять, восемьдесят... Не иначе как ты переродился, Чет! Уж не ты ли с ним сотворила это чудо, а, милочка? Девяносто, сто... Сто! Целая сотня!

– Лучше положи их в банк, целее будут, – посоветовала девушка.

– погоди минутку, Чет! – закричал Дестри. – Что это с тобой, дружище? Ты, никак, головой ударился? Или это вера такая у тебя? А может, ты продал соляную шахту и денежки полились рекой?

Бент, посмеиваясь, хлестнул лошадей. Коляска тронулась, а Дестри продолжал шагать рядом, болтая, все еще не веря своей удаче.

Затем они распрощались. Гарри решил побродить по городу.

– Надо бы прикупить седло да какую-никакую конягу, – сказал он сам себе вслух. – Да, ковбой, считай, тебе повезло! А значит – вперед! Надо еще приобрести шпоры и сумки. Ведь денежки не дождь, не каждый день на голову сыплются. Да и яйца с ветчиной не на кактусах растут. Хотя, думается, скорее они там появятся, чем жадюга Чет Бент во второй раз

сподобится развязать свой пухлый кошелек! Ну, парень, не зевай! Пора браться за ум и искать работу!

Серьезность намерения заставила его сурово насупить брови. И Гарри простоял бы так довольно долго, если бы в эту минуту не заметил хлопающих дверей салуна «Глоток удачи». Он тут же понял, что для принятия серьезного решения, которое, вполне вероятно, сможет коренным образом изменить его жизнь, прохлада и тишина, обычно царящие в полутемном баре, подходят как нельзя лучше.

Дестри толкнул дверь и вошел.

Глава 2

Хоть и говорят, что алкоголь – отрава, было не похоже, чтобы выпитое как-то повлияло на Гарри. По крайней мере, язык у него не заплетался, руками и ногами он владел вполне уверенно. Более того, как ни странно, глаза у него в этом состоянии стали мягко светиться, а к тому времени, когда от первых пятидесяти долларов, одолженных Бентом, осталось лишь приятное воспоминание, и рука, казалось, стала еще тверже, даже не думала дрожать.

В те дни сотня долларов не была таким уж большим богатством, но тем не менее на них можно было себе позволить немало всяких приятных вещей. Поэтому Дестри роскоествовал за столом, ел и пил в свое удовольствие, да и друзей не забывал, то и дело приглашая кого-нибудь к нему присоединиться. Потом даже никто не мог вспомнить, когда же все изменилось и начались неприятности. Все уже были не в том состоянии, чтобы вообще заметить, почему вдруг Дестри вышел на тропу войны.

Короче говоря, к тому времени, когда шериф Динг Слейтер поравнялся со сверкающими свежей краской щегольскими колесами коляски Бента и поднял руку, в салуне Донова на уже начался переполох.

Бент отпустил лошадей немного отдохнуть и попасться, чем они и не замедлили воспользоваться, недовольно выги-

бая шеи, поглядывая через плечо на ненавистные пути и нетерпеливо взмахивая пышными хвостами, словно мечтали снова пуститься в путь крупной размашистой рысью.

Шериф машинально пригладил ладонью черные усы, слегка припорошенные пылью, – все знали, что он втайне страшно гордится тем, что они такие длинные и густые, – и спросил, понизив голос:

– Чет, вы не возражаете, если я задам вам парочку вопросов? Скажите, где вы были в среду вечером?

– В среду? – с недоумением переспросил Чет и, полузакрыв глаза, принялся вспоминать. – Черт, так сразу и не скажешь! Ага, вспомнил! Я возился с проверкой счетов, потратил на это почти весь вечер. А почему вы спрашиваете?

– Потому что в это время ограбили почтовый поезд и взяли всю почту, – пояснил Слейтер и внимательно вгляделся в лицо собеседника, пытаясь подметить в нем выражение страха или неуверенности.

И в самом деле, при этих словах по лицу Чета Бента разлилась мучнистая бледность, а на скулах вдруг вспыхнули багрово-алые пятна.

– Мерзавцы взяли не меньше семидесяти двух тысяч, – добавил шериф. – А впрочем, может быть, вам это известно?

– Великий Боже! – раскрыв от изумления рот, ахнул Вент, а потом вполголоса, словно про себя, произнес: – А старина Гарри Дестри шляется по городу и сорит деньгами направо и налево! – и осекся, будто поняв, что проговорился, вопро-

сительно устоялся на шерифа.

– Что вы сказали? – рявкнул тот. В его голосе зазвучал металл.

– Ничего. Абсолютно ничего! – смешался Вент. – Я вообще ничего не говорил. Неужели вы меня в чем-то подозреваете, а, шериф?

– Я пока никого не подозреваю. Просто навожу справки, как этого требуют закон и мой служебный долг. Вот и все. Вам не о чем волноваться!

Однако нелепо было предполагать, что он пропустил мимо ушей оговорку Вента и тотчас выкинул ее из головы, как это водится между джентльменами.

Помахав на прощанье рукой, шериф пришпорил коня и погнал его галопом по пыльной дороге. Сердце у него пело от проснувшейся неясной надежды, а крупные копыта коня, казалось, выбивали четкую дробь: «Дестри, Дестри, Дестри».

И конечно, все сразу же пошло кувырком, как только он выехал на главную улицу Уома и попал в ад крошечный: здесь вокруг него слышались испуганные крики, яростный рев и сухие щелчки револьверных выстрелов. Потом ему бросилась в глаза небольшая кучка людей, толпившихся возле открытых настежь дверей салуна старика Донована.

Шериф схватил за рукав одного из тех, кто счел за благо унести отсюда ноги. Это оказался один из местных, брызгавший слюной от бессильной злобы. Почему-то он бежал, странно при этом взбрыкивая, будто неведомая рука хватала

его за пятки.

Динг Слейтер спрыгнул на землю, схватил беглеца за плечо, развернул его к себе лицом и принялся яростно трясти.

– Что за чертовщина тут творится?

– Дестри, похоже, снова спятил, – прохрипел бедняга и, выкрутившись из рук шерифа, с бешеной скоростью умчался прочь.

Слейтер был не настолько глуп, чтобы сломя голову кидаться в салун. На сто миль вокруг его без всякого преувеличения считали человеком на редкость мужественным и никто бы никогда не усомнился в его храбрости. Но он прекрасно знал цену отчаянной смелости и разумной осторожности. Поэтому остановился у хлопающих дверей и громко крикнул:

– Дестри!

– Ага! – прогремело в ответ. – Давай, заходи!

В то же мгновение пуля 45-го калибра вдребезги разнесла доску двери.

Шериф отскочил назад.

– Эй, кто здесь? – громко позвал он. – Кто имеет наглость поднимать такой шум и нарушать покой мирных граждан?

– Это я – старый Грязнуля! – донесся изнутри воинственный вопль. – Белый снег покрыл сединой мою голову, ноги мои тяжелы, словно камень, но снег понемногу тает и, того гляди, воды мои скоро выйдут из берегов и затопят все вокруг. Спускайся вниз, поскачем вместе!

– Дестри, это, никак, ты?

– Это старый Грязнуля, – заверил его Дестри. – Ты что же, не слышишь, как я реву? Бегу вниз и уже не могу остановиться! Еще немного – и моя вода выйдет из берегов. Какого хрена ты задерживаешь меня своими дурацкими вопросами?! Ух ты, вот черт!

Прогремел еще один выстрел, раздался треск и звон разбитого стекла.

Это окончательно вывело из себя представителя закона, он крепко стиснул кулаки.

– Гарри Дестри, именем закона, выходи!

– Единственный закон, который я знаю, – нахально парировал Дестри, – это журчать, сбегая вниз по склону холма. Гляди, осторожней, а то я здорово бурлю и пенюсь на поворотах. Я – Большой Грязный ручей, и несу свои воды далеко, к самому океану!

Шериф плюнул под ноги, резко повернулся на каблуках и удалился, намеренно громко стуча сапогами. Пробираясь сквозь плотную толпу зевак, он ворчливо объяснял любопытным, что с подобными пьянчугами, когда у них крыша повисает на одном гвозде, а в руках – кольт 45-го калибра, спорить не стоит, в таком состоянии им ничего не докажешь, самое лучшее – переждать, пока проспятя и придут в себя. Жители Уома, в своем большинстве люди трезвые и здравомыслящие, предпочли с ним согласиться. К тому же шериф много лет назад уже имел дело с Дестри, когда тот, по свое-

му обыкновению, воображал себя ручьем по прозвищу Большой Грязнуля, и прекрасно знал, чего от него можно ожидать.

Когда Дестри нашел наконец в себе силы открыть глаза, его встретила прохлада серенького, пасмурного утра и зверская жажда, хорошо знакомая каждому, кто имел несчастье напиться хотя бы раз в жизни. При этом он с неудовольствием обнаружил, что мирно отдыхает в городской тюрьме, а шериф с самым невозмутимым выражением лица дремлет рядом с ним в удобном кресле. Неподалеку стоял конвоир. Лицо у него было хмурое, он крепко сжимал в руках заряженный револьвер.

Слейтер, заметив, что глаза у Дестри чуть приоткрылись, негромко спросил:

– Дестри, это ты ограбил экспресс?

– А то как же! – кивнул Дестри. – Слушай, будь другом, принеси попить!

– Это ты ограбил экспресс?

– Слушай, отвяжись! Не ограбил, но сейчас ограблю, если ты немедленно не дашь мне воды! Не видел я твоего чертова экспресса, понял?!

– Принесите ему воды, – распорядился шериф.

Воду принесли. Дестри одним глотком опрокинул стакан и облизнулся. Потом уселся поудобнее на стуле и пожал плечами.

– Надеюсь, ты уже понял, что находишься под арестом, – сообщил Динг Слейтер. – Все, что ты скажешь, может быть использовано против тебя. Так ты признаешься в том, что совершил ограбление почтового поезда?

– Кто, я?! – вскинулся Дестри. – Пока нет, но ограбил бы не задумываясь, если бы он вез воду.

– Ладно, потише! – буркнул шериф. – Лучше скажи, что ты сделал? Как тебе это удалось?

– Откуда мне знать? – пробурчал Дестри недовольно и глубоко затянулся, втягивая в себя дым сигарки. – Если вы все так уверены, что я и в самом деле грабнул ваш экспресс, ну что ж, отлично, так тому и быть! Но будь я проклят, если хоть что-нибудь помню!

– Послушай, ты, – терпеливо сказал шериф. – А это узнаешь? – И сунул ему под нос узкий белый конверт, который незадолго до этого обнаружил во внутреннем кармане пальто Дестри.

– Вот еще выдумали! Как я могу узнать проклятую штуку, если понятия не имею, что там внутри?

– Отлично знаешь, – объявил шериф, – тем более, что там внутри. Давай, сознавайся, молодой человек! Вот увидишь, самому будет проще. Да и судья с присяжными посмотрят на все иначе, когда тебя привезут в суд! Впрочем, твое дело! Даже если ничего мне не скажешь, там-то тебе язык быстро развяжут, можешь быть уверен!

– Пусть попробуют! – упрямо заявил Дестри. – Слушай,

приятель, я чертовски устал и хочу хоть немного отдохнуть. А этот твой экспресс когда грабанули, уж не прошлой ли ночью?

– Сам прекрасно знаешь, когда это было – вечером в среду!

– Я знаю?! Ладно, идет. Считай, что я просто захотел убедиться, когда это мне пришло в голову ограбить ваш поезд. Ну ладно, шериф, до скорого! А теперь я, пожалуй, сосну!

Он выплюнул на пол окурок, оставив его дымиться, а сам непочтительно повернулся к шерифу спиной и через минуту уже спал сном младенца.

Глава 3

«... Таким образом, вышеупомянутый Гаррисон Дестри, пребывая в самом городе Уоме, штат Техас, или его окрестностях, в десять часов с четвертью или около того семнадцатого мая сего года совершил злонамеренное, предумышленное деяние, а именно: задержал и остановил поезд».

Гарри поднял глаза, и уже в который раз его внимание привлек огромный паук, кропотливо ткущий паутину в темном углу как раз над столом, за которым восседал судья. Яркое утреннее солнце заглядывало в окно и отражалось в висевшем на стене зеркале. Солнечные зайчики весело прыгали по потолку, а один из них забрался даже в самый темный угол комнаты, где мрачный паук, не обращая ни малейшего внимания на подобную чепуху, ловко растягивал свою сеть в надежде заманить в нее какую-нибудь доверчивую муху. Яркий луч солнца выхватил из темноты паутину, и она ослепительно засверкала. Дестри невольно замер в восхищении, рассматривая каждую деталь этого потрясающего творения крошечного существа, где на серебряных нитях еще блестели капельки клея. Зрелище настолько его захватило, что он почти не слышал монотонного бормотания судьи.

Очнулся, только когда судья уже в третий раз попытался привлечь внимание подсудимого. Он хотел знать, есть ли у Дестри адвокат, готовый защищать его интересы. Когда Гар-

ри отрицательно покачал головой, ему сухо объяснили, что он нуждается в услугах защитника, ибо от него во многом зависит выбор присяжных.

– Я в затруднении, ваша честь, – наконец отреагировал Гарри.

«Вашей честью» был сэр Александр Пирсон, судья, которого только шесть человек в целом мире имели право называть попросту «Алексом». Все остальные представители рода человеческого не смели даже приближаться иначе как на расстояние вытянутой руки. Несмотря на это, его уважали и почитали за порядочность и неподкупность, а так же за глубокое понимание человеческой природы. Кроме того, Пирсон, казалось, знал всех жителей на много миль кругом, и не только знал, но был в курсе всех жизненных перипетий каждого с самого рождения. И если другие легковверные судьи запросто попадались на удочку, когда им давали торжественные обещания исправиться и впредь не грешить, то с сэром Александром Пирсоном этот номер удавался редко, поскольку все грехи его подопечных годами хранились у него в памяти, он всегда точно делал прогноз на будущее, опираясь на прошлое.

– Вам повезло, – заявил судья. – Адвокат Стивен Иствик сейчас как раз здесь и, думаю, сможет заняться вашим делом со всей ответственностью. Конечно, адвокат Иствик только недавно стал членом нашей коллегии, но можно не сомневаться, что...

– Ах, Стив! – перебил арестованный. – Нет уж, с ним я готов играть где угодно, только не в зале суда. Весьма признателен, ваша честь! Только мне сдается, с этим дельцем я справлюсь получше Стива, в конце концов, это нужно больше мне, чем ему.

Судья даже глазом не моргнул, будто не слышал.

– В зале присутствует также адвокат Родерик Уэйн. Он, к сожалению, тоже новичок в нашей коллегии, но уверен, сможет оказать вам самую квалифицированную...

– Старина Родди даже плавать не умел, пока мы с Клаки Фишером не столкнули его в воду с дамбы, – прокомментировал Дестри. – А здешние воды, сами знаете, ваша честь, глубоки и коварны. Где уж тут было Родди справиться? Он, бедняга, и сейчас плавает как топор. Может, у вас еще кто-нибудь припасен?

– По-моему, я видел в холле еще кое-кого из...

– Вот и отлично! – обрадовался Гарри. – Ведите сюда этого джентльмена! Уверен, он мне подойдет как нельзя лучше!

Судья сделал вид, что не заметил жизнерадостной беспечности и легкомыслия Дестри, приказал, чтобы в зал немедленно пригласили адвоката Кристиана Макдермотта, если, конечно, он все еще ожидает в холле.

– Люблю старину Криса! – как ни в чем не бывало заявил арестованный. – Вот кто вытащит меня отсюда! – И, повернувшись к Честеру Бенту, который сидел в первом ряду, громко объявил: – Крис такой близорукий, что не в силах

оценить даже хорошую шутку. А стоило ему однажды надеть очки, так первое, что он сделал, – начал хохотать над своим отражением в зеркале!

– Мистер Дестри, – вежливо, но твердо произнес судья. – Существуют определенные правила, которые следует соблюдать, особенно находясь в здании суда. А вот и мистер Макдермотт! Адвокат, вы согласны взять на себя защиту этого человека?

Мистер Макдермотт был согласен. К этому времени он почти уже не занимался адвокатской практикой, а просто целыми днями бесцельно слонялся по крошечному яблонево-му саду, который занимал всего около сорока акров в долине у подножия гор. Главной ежедневной его заботой было выводить жирные пятна на своем обширном жилете, чтобы в полдень можно было при полном параде посетить церковь. Но, не желая терять форму, он все-таки время от времени наведывался в здание суда и слонялся в холле, где перекидывался парой слов с коллегами, и, случалось, ему доставалось вести какое-нибудь несложное, необременительное дело.

Через минуту Макдермотт вплыл в зал заседаний, бросил рассеянный взгляд из-под очков сначала на судью, потом на арестованного, затем опустил очки и уже через них принялся рассматривать зрителей, кивая кое-кому в этой толпе. Наконец уселся. Можно было переходить к отбору присяжных.

Эта процедура заняла до смешного мало времени. Единственный, кто иногда возражал против какой-нибудь канди-

датуры, был помощник окружного прокурора Теренс Энсон, которого все по большей части, Бог его знает почему, звали Доком. Для отвода нескольких возможных присяжных имелись весьма веские причины. Так, была снята кандидатура Кларенса Олсена, поскольку все знали, что когда-то давно Дестри выудил его из залива, где тот чуть было не утонул. Решили, что Кларенс не может быть объективен, так как многим обязан арестованному. Такая же участь постигла еще троих. Один из них когда-то учился у Гарри прицельной стрельбе из револьвера, а двое других занимались разведением коров, и много лет назад Дестри здорово выручил их из беды, в одиночку разогнав шайку бандитов, повадившуюся по ночам уводить у них скот. Кроме этих четверых, Док потребовал отвода еще нескольких человек. Мистер Макдермотт не высказал ни единого возражения. Каждый раз, когда кандидат в присяжные вставал, адвокат бросал вопросительный взгляд на своего клиента, но тот только равнодушно пожимал плечами.

– Какая польза перебирать, – ворчал Дестри, – все они на одно лицо.

Не прошло и получаса, как все двенадцать присяжных важно восседали на скамье неподалеку от судьи. Было одно замечательное качество, которым они все, как один, обладали в полной мере – эти люди были старожилами Уома, много лет, чуть ли не с детства, знали арестованного, а поэтому смотрели на него достаточно трезво.

Мистер Макдермотт с тревогой взгляделся в их лица.

– А знаете, – обернулся он к своему клиенту, – есть что-то очень похожее в том, как они на вас уставились. Я бы сказал, надеюсь, вы простите мне мою подозрительность, ни один из этих людей не является – как бы это лучше выразиться? – вашим другом.

– Так оно и есть, – устало согласился Дестри. – Каждый из них с радостью еще бы и приплатил, чтобы засадить меня за решетку до конца жизни. Ну да Бог с ними! Так уж случилось, Крис, что в этом городишке все жители – либо мои враги, либо друзья. К несчастью, врагов куда больше, чем друзей. Но, если честно, мне это по душе. Что за радость иметь лошадку, у которой нет привычки взбрыкивать по утрам? Скучно! А в конце концов, может, оно и к лучшему! Разве плохо какое-то время отдохнуть и поразмыслить, пусть даже несколько лет? Хватит, давайте лучше послушаем, что они там затеяли!

Не прошло и несколько минут, как он это узнал. Заседание завершилось быстро, методы, которыми пользовался судья, стараясь сразу же довести разбирательство до конца, не потребовали ни задержек, ни отлагательств. Сначала встал Теренс Энсон и сухим, лающим голосом – а он, увы, принадлежал к тому далеко не редкому типу людей, которые готовы говорить не переводя дыхания и не останавливаясь, пока не зайдутся в судорожном кашле, чего обычно приходилось ждать довольно долго, – обрисовал перед судом прошлое Де-

стри, причем в самых мрачных красках. Помощник окружного прокурора во всеуслышание заявил, что ничуть не сомневается – мистер Дестри как раз тот человек, кто вполне способен совершить подобное преступление, и он твердо намерен это доказать. Во-первых, потому что такое как раз в его духе, а во-вторых, разве не могла им руководить обыкновенная жадность, ведь в результате ограбления у него должна была оказаться огромная сумма?! Теренс считал, что вышеупомянутый Гаррисон Дестри в одиночку остановил экспресс, взял почту, которую везли курьеры, предварительно отобрав у них оружие, затем прошелся по всему поезду, освободив карманы пассажиров от тех ценностей, что бедняги имели при себе, а потом скрылся, прихватив с собой почтовые переводы и деньги несчастных пассажиров, составившие кругленькую сумму!

Следом за ним слово было предоставлено мистеру Макдермотту. Он встал с несколько сконфуженным видом. Адвокат чувствовал себя, словно лошадь в шорах, поскольку его клиент не проронил ни единого слова, которое он мог бы использовать в его же защиту. К тому же что он мог сказать, когда всему городу была отлично известна репутация Дестри – возмутителя спокойствия и сеятеля раздоров, любителя подраться по поводу и без повода? Он смог противопоставить обвинению всего несколько общих фраз, касающихся защиты гражданских прав всех людей без исключения, после чего, пыхтя и отдуваясь, уселся на свое место, от-

куда с недовольным лицом продолжил наблюдать за ходом разбирательства.

Начали допрашивать свидетелей. Их было всего несколько человек.

Первым вызвали инженера с поезда. Он мало что мог сказать, лишь промямлил неуверенно, что, дескать, бандит, который остановил и обчистил экспресс, был примерно такого же роста, что и обвиняемый, ну, может быть, чуть повыше. Голос грабителя тоже довольно-таки схож с голосом человека, сидящего на скамье подсудимых, только у того он был повыше и более визгливый.

Двое конвоиров, которые охраняли почтовый поезд и мешки с деньгами, дали почти такие же показания.

После этого перед присяжными предстал хозяин салуна «Глоток удачи» Донован. Он сообщил, что накануне ограбления поезда мистер Дестри был в его заведении, играл в карты. При этом денег у него было явно не густо, поскольку он поставил на кон винтовку, седло и даже шпоры, и все проиграл до нитки. Донован готов был поклясться, что когда Гарри покинул салун, в кармане у него свистел ветер. Тем не менее позже, когда мистер Бент любезно одолжил ему денег, он с еще большим легкомыслием и беспечностью принялся швырять их направо и налево вместо того, чтобы употребить на что-нибудь полезное. А разве это не доказывает, вопрошал свидетель, что обвиняемый знал – стоит ему захотеть, как у него в руках окажется поистине невероятная сумма.

И в самом деле, затем в полицейском участке в его кармане обнаружили конверт с деньгами. Так не служит ли это подтверждением вины Дестри?

К несчастью, защита ничего не могла противопоставить этим сокрушительным ударам, кроме показаний юной Шарлотты Дэнджерфилд. Девушка клятвенно подтвердила, что сама видела, как Бент дал обвиняемому сотню долларов. Таким образом, вскоре стало понятно, что присяжные должны были бы обладать уж очень богатым воображением, чтобы прийти к мысли, будто конверт с ценными бумагами кто-то просто подбросил в карман пальто Дестри с единственной зловещей целью – навести подозрение на этого благонамеренного гражданина и отвести его от себя.

Увы, все говорило о том, что двенадцать граждан Уома, занимавших скамью присяжных, не страдали избытком воображения, а являлись ничем не примечательными обывателями, которым полет фантазии просто чужд. Они смотрели на арестованного с холодным и надменным осуждением, а когда пришло время удалиться для обсуждения решения, с видимым облегчением покинули зал заседаний, кивая головами и перешептываясь.

Дестри, похоже, ничуть не сомневался, чем закончится их совещание.

– Что у судьи на уме, мистер Макдермотт? – спросил он. – Как вы думаете, сколько мне дадут? Месяца три или целый год? Как вам кажется, а?

Адвокат с досадой пожал плечами.

– Обычно суд бывает снисходителен к тем, кто впервые преступил закон.

– Так, может, больше года мне и не дадут, как вы считаете?

Макдермотт побагровел от такой наивности и покачал головой.

– А иначе, – с угрозой в голосе заявил Гарри, – я за себя не ручаюсь. На черта мне тогда их мартышкин суд?! Сбегу отсюда, и будьте уверены – ноги моей больше здесь не будет! – Привстав на скамье, он схватил за руку своего импровизированного защитника и с надеждой произнес: – Ведь правда же, больше года не дадут?

Адвокат тяжело вздохнул.

– Видите ли, мой дорогой, присяжные выносят вердикт, а потом уже судья объявляет приговор. Вы же понимаете, юноша, не в моей власти изменить закон так, как вам хотелось бы. Но, если вы признаетесь в содеянном и укажете, где спрятали оставшиеся деньги и ценности, сообщите, кто помогал вам ограбить поезд, назовете сообщников, я не сомневаюсь, судья милостиво примет это во внимание и найдет возможным смягчить наказание.

– Ты, жирный, вислоухий осел! – миролюбиво огрызнулся Дестри. – Неужто и в самом деле полагаешь, будто я провернул это дельце с ограблением? Или считаешь меня идиотом, способным после такого преступления заявиться в Уом и на глазах у всего города сорить деньгами? Да в этом случае

я был бы уже в Манчестере, толкнул бы там и драгоценности, и ценные бумаги, а здесь меня только бы и видели! Вот так-то, мой ученый друг! Эх, Макдермотт, когда Господь Бог оделял людей мозгами, ты, видно, спал! А теперь шел бы ты куда подальше! Видит Бог, ты мне надоел! – И он с досадой повернулся к защитнику спиной.

Вернулись присяжные. Чтобы вынести вердикт, им не понадобилось много времени. Дестри с замирающим сердцем встал вместе со всеми, дабы выслушать их решение. Конвоиры вытянулись по струнке, а Филип Баркер, старшина этих добропорядочных граждан, объявил: «Виновен!»

Глава 4

Когда прозвучало это слово, Гарри показалось, что все присутствующие в зале суда, будто по команде, как один, наклонились вперед. Двенадцать законопослушных граждан на скамье присяжных тоже вытянули головы, с жадным интересом вглядываясь в лицо судьи. Теперь, когда арестованный был признан виновным, всем хотелось знать, каким будет приговор.

По невозмутимому лицу судьи было невозможно угадать, что ожидает Дестри. Всем было хорошо известно, как он может быть суров, но бывали и такие случаи, когда Александр Пирсон вдруг проявлял неожиданную мягкость. Однако как только с его уст слетели первые слова, всем сомнениям был положен конец.

Судья поднял голову и посмотрел на обвиняемого.

– Гаррисон Дестри, присяжные признали вас виновным, – начал он. – Теперь пришло время вынести вам приговор. Я считаю это своим долгом, и вы будете осуждены не только за совершенное вами преступление, но и за всю вашу прошлую жизнь, которая является удручающим примером бесполезного, праздного и преступного существования.

Тишину разорвал негодующий молодой голос:

– Неправда! Он совсем не такой!

Конечно, во власти судьи было прервать заседание и при-

казать вывести нарушителя из зала, но он ограничился тем, что отеческим жестом попросил Шарлотту Дэнджерфилд успокоиться, взять себя в руки, и продолжил:

— Мне кажется, Гаррисон Дестри, я не единственный человек в нашем городе, кто с неослабевающим интересом следил за вами с тех пор, как вы были мальчишкой. У вас еще молоко на губах не обсохло, а я уже заметил, что вы редко появляетесь на улице без разбитых в кровь кулаков или синяков на лице. Когда мне встречался подросток вашего возраста с заплывшим глазом, разбитой, кровоточащей губой или ссадиной на лице, я готов был держать пари на что угодно, что к этому приложил руку Гаррисон Дестри. И как правило, оказывался прав. Вы всякий раз находились неподалеку, насмешливо ухмыляясь вслед поверженному противнику!

Конечно, все это ерунда, и я относился к этому соответственно, пока вы были еще мальчишкой. В конце концов, храбростью и умением сражаться настоящий мужчина может лишь гордиться. Если бы меня тогда спросили, каким я хотел бы видеть собственного сына, не покривив душой, я ответил бы: «Смелым!» Вот вы, Гаррисон Дестри, обладали этим качеством в полной мере, но, к несчастью, не только им одним!

То, что простительно и даже похвально в десять лет, в пятнадцать выглядит уже по-другому. Вы росли, ваши кулаки наливались силой, детские драки становились побоищами. До моих ушей то и дело доносились слухи, что Дестри стал сущим наказанием не только для нашего города, но и для

окрестных ферм, ведь вы к тому времени нанялись ковбоем, а на ранчо полным-полно здоровых парней, таких же любителей подраться. Вот там, похоже, и прошли настоящую школу, где окончательно сформировался ваш характер. Встретили тех, кто был старше и сильнее вас, но с таким же буйным нравом. То и дело до города долетала весть, что кто-то зверски избил Гаррисона Дестри. Однако, прежде чем заканчивался год, мы узнавали, что вы добрались до своего обидчика, куда бы он ни сбежал – в Канаду или Мексику, – и жестоко беднягу избивали.

И каждый раз, совершив этот так называемый подвиг, вы неизменно возвращались в наш Уом. Для чего? Думается, рассчитывали на восторженную встречу ваших сограждан. Вам и в голову не приходило, что они далеки не только от восхищения вашими подвигами, но и от простого их одобрения. Точнее, им, конечно, импонировала ваша храбрость, они уважали вас за силу и ловкость, но, когда такой человек, как вы, берет в руки оружие, восторг быстро сменяется страхом, а на смену уважению приходит ненависть и презрение.

А потом все громче, уже не скрываясь, стали поговаривать, будто Гаррисон Дестри дошел до того, что отнял у человека жизнь! Многие не верили этому, но мало-помалу все сомнения развеялись.

Нельзя сказать, что этот ваш поступок безоговорочно был достоин осуждения. Вы отняли жизнь у тех, кто перешел вам дорогу. Все они были преступниками, жестокими, бесполез-

ными и опасными для общества людьми, вы покарали их. Кажется бы, на вашей стороне справедливость. Но случилось так, Дестри, что при одном упоминании вашего имени люди стали бледнеть от страха. Иначе говоря, поползли слухи, будто вы с некоторых пор стали убийцей в полном смысле этого слова, человеком, который убивает не из мести, а потому, что это доставляет ему удовольствие! Многие, очень многие, кого я знаю, начинали именно так, держась вначале в рамках закона, но лишь немногие так никогда его и не преступили!

Таким образом, с вами произошла печальная перемена. Начав жизнь как обычный драчливый мальчишка, вы кончаете ее как человек, для которого нож и пистолет так же привычны, как для других – вилка. Вы обманываете и мошенничаете, чтобы выжить, и убиваете просто потому, что вам это нравится. Ваши приезды в родной город превращаются в разнузданные оргии. Вы напиваетесь и буйствуете в салунах. Вы в буквальном смысле этого слова – запал для пороховой бочки, ведь этот город и без вас никогда не был особенно мирным.

Вот, Дестри, каково ваше истинное лицо! Гордый, неуправляемый, но трудолюбивый подросток превратился в ленивого, распущенного, беззаботного и беспринципного бездельника. Жестокое и равнодушное негодяя! И пришел час, когда вам захотелось попробовать рискнуть, чтобы завладеть такой суммой, которая на долгое время обеспечила

бы вам возможность безбедного существования. Решили отнять у людей то, что они заработали в поте лица. Пошли на ограбление почтового поезда. И совершили это мерзкое преступление!

Суд присяжных в лице двенадцати жителей вашего города, равных вам по положению, признал вас виновным. Я всей душой согласен с ними. И думаю, в этом зале не найдется ни единого человека, который усомнился бы в вашей виновности.

А теперь считаю своим долгом сказать еще несколько слов в связи с обстоятельствами совершенного вами преступления. Уверен, оно – логическое завершение вашей преступной жизни. Поэтому, тщательно все взвесив, я пришел к выводу, что должен приговорить вас к десяти годам заключения. Нам остается только надеяться, что, может быть, проведя эти годы в тяжком труде, вы воспользуетесь возможностью раскаяться в своем преступном прошлом, найдете в себе силы исправиться и начать другую жизнь.

Если вы хотите что-то сказать или у вас есть возражения, я готов их выслушать, тем более что адвокат в последнюю минуту отказался от ведения вашего дела и не имеет теперь никакого права выступать от вашего лица.

На минуту всем показалось, что Дестри колеблется, и собравшиеся затаили дыхание, изнемогая от любопытства, что он скажет. Наконец он открыл рот и заговорил, манерно растягивая слова:

– А что значит «равные вам по положению», ваша честь?

– Это значит, – невозмутимо пояснил судья, – что они вам равны. Это закон нашей страны, Дестри. Обвиняемый должен предстать перед судом присяжных, а тот может состоять только из тех, кто равен ему по положению. Скорее всего, этот закон берет начало с тех незапамятных времен, когда одни люди были свободными, а другие – рабами.

– А раб – что это значит?

– Раб – это человек, который принадлежит своему господину. Точнее говоря, человек, подчиненный каким-то ограничениям и в силу этого несвободный. Ну а проще, раб – это раб.

– А эти джентльмены, – Гарри указал на присяжных, – вы пару раз сказали, что они, дескать, мне равны. Это как?

– Я имел в виду, что все они по своему положению в обществе равны вам и обладают теми же правами, Дестри. В конце концов, все они – свободные люди!

– Да неужели? – язвительно ухмыльнулся парень. И, повернувшись лицом к судье, даже сделал в его сторону несколько шагов, отчего оба стража явно забеспокоились. Затем продолжил: – Похоже, вы не знаете этих джентльменов. Ну, так я вам расскажу. Вот, взгляните-ка на того, что сидит в первом ряду, крайний слева. Это Джимми Клифтон. Да, да, тот самый узкоплечий коротышка с цветком в петлице, который вырядился так, словно воскресным утром вышел погулять с девчонкой. Это его вы называете свободным?

Да он повязан по рукам и ногам похлеще иного раба! И знаете кем? Женщинами! Вы только послушайте! Он из дому не выйдет, пока не убедится, что хоть одна из них глянет в его сторону. И он ненавидит меня лютой ненавистью. А спросите почему. Да всего-навсего потому, что как-то раз его девушка удрала от него для того, чтобы потанцевать со мной. Взгляните на него, посмотрите ему в глаза, ваша честь! Эй, Джимми, посмей сказать, что это неправда!

А тот, что рядом с ним, – Хэнк Кливс. Глядя на него, никто и не скажет, что он когда-то был мальчишкой, но ведь был! Его задача – быть всегда и во всем первым. Он просто одержим этим желанием, он – его раб. Какой же он свободный человек, скажите на милость?! Так вот однажды мы с ним сцепились, я разбил ему нос до крови, а потом повалил на землю, да еще и сел сверху. В тот день он едва нашел в себе силы, чтобы сказать «сдаюсь», поэтому сегодня с радостью сказал «виновен».

Дальше Бад Вильямс, вон тот, с бычьей шеей и крохотной головой. Все помнят, как он приехал в наш город с единственной целью доказать, что сильнее его нет никого на свете. Но каждый настоящий боец знает, что одними кулаками победить нельзя. Только воля, только мужественное сердце может даровать тебе победу! Судьбе было угодно, чтобы мы с ним сошлись один на один на обочине дороги, и очень скоро я швырнул его мордой о придорожные камни. С тех пор его душит лютая ненависть, которая с каждым днем ста-

новится все сильнее. Раб? Не было на свете более рабской души, чем у него! Он истязает замученных, усталых мулов только потому, что ему охота почесать кулаки! Да, Бад с радостью превратил бы себя в паровой каток, если бы это прибавило ему силы в руках!

А поглядите-ка на того парня рядом с ним, долговязого, с шеей, как у жирафа, и с пальцами, словно щупальца. Это Сэм Уоррен. Взгляните на него, ваша честь, он того стоит. Этот человек может разобрать винтовку в кромешной тьме, а потом собрать ее, не потеряв ни единой крошечной детали! Он обожает похвастаться, что жизнь любого в этом городе у него в руках, достаточно лишь спустить курок! Сэм так долго воображал себя хозяином жизни всех и каждого, что сам в это поверил. Но так было только до его встречи со мной на узкой дорожке. Я с первого же выстрела сделал в нем дырку. Этого было достаточно, чтобы он поднял лапки вверх, да так и остался на дороге поразмыслить на досуге. Вот вам еще один раб, ваша честь, раб своей винтовки, будь она проклята! Эта его рабская сущность выпирает из него прямо сейчас – только взгляните, что у него под мышкой!

При этих словах Сэм Уоррен побледнел и сорвался со скамьи присяжных с проворством, неожиданным для такого длинного, неуклюжего человека. Он яростно оскалился, словно пес, готовый вцепиться в горло любому, кто осмелится встать на его пути.

А Дестри мягко заметил:

– Ну, что скажешь, Сэм? Если это не так, можешь назвать меня лжецом. Ты ведь поклоняешься своему оружию, словно какому идолу! Ни на минуту не можешь выкинуть его из головы. Держу пари, даже ночью видишь его во сне, словно женщину, а болтая со старым приятелем, нет-нет да поглядываешь на него, выбирая пуговицу, в которую нужно попасть, чтобы выстрел оказался смертельным.

– Мистер Дестри! – Судья невозмутимо поднял руку, голос его был совершенно спокоен. – Мне думается, вы и так уже успели оскорбить большинство присяжных. Может, достаточно?

– Потерпите, осталось уже немного, – объявил Гарри. – Единственное, что я хочу, – это разобраться с дюжиной мне равных людей. Кажется, так вы их назвали, ваша честь? Поэтому хочу, чтобы вы посмотрели на Джерри Венделла, для которого нет Бога, кроме его портного, на Клайда Оррина – прихлебателя, готового пожать любую руку, лишь бы нашелся желающий ему ее протянуть, и особенно на Лефти Тернбулла – этот ненавидит меня от всей души с тех самых пор, как я обошел его и первым подал заявку на участок в Кристалл-Маунтинз. О, а вот и Фил Баркер! Так, значит, и он здесь! Неужто вы забыли, сколько раз его проклинали за любовь к идиотским розыгрышам? Да ведь с ним сладу не было до тех пор, пока он вдруг не получил письмо от девушки с просьбой навестить ее вечером, а когда полез через забор, его вместо девчонки ждали злющие псы. Похоже, он так и

не забыл, что это я послал ему письмо, и сегодня рад без памяти, что может свести со мной счеты! Рядом с ним сидит Огден, который дорого заплатил за то, чтобы ему принесли мой скальп. Помните, с чего все началось? В тот день его ребята приперли меня к стенке и пролилась кровь, только не моя, а он потерял свои денежки. Теперь и у него появился шанс расквитаться со мной, уж он его не упустит. Да и его братец тоже. Ах да, чуть не забыл Бада Тракмена и Булла Хьюитта. Не помню, чем им так насолил, но кто его знает, может, когда-то косо посмотрел в их сторону. – Он снова повернулся к судье и хмыкнул: – Двенадцать равных мне, так вы сказали? Это их-то вы считаете равными? Да они рядом со мной просто слепые котятка! Если вы их принимаете за равных мне, так пусть лучше меня судят жабы в болоте, чем эти двенадцать недоносков! Ладно, черт с вами, пусть садятся! Только хорошенько запомните, мои десять лет, на которые вы меня, невиновного, сегодня обрекли, в конце концов пройдут. Но когда я вернусь, то навещу каждого из вас, поняли? А если, по несчастной случайности, не застаю кого дома, так оставлю свою визитную карточку, слышите?!

– Дестри! – перебил его судья. – По-моему, хватит.

Присяжные вернулись на свои места, но по их лицам, у кого – встревоженным, у кого – сердитым, было понятно: предупреждение Дестри им не очень-то по душе.

– Да, вот еще что! – вспомнил Дестри. – То, что вы сказали обо мне, ваша честь, чертовски верно! Да, я лодырь, без-

дельник, любитель подраться, меня трудно назвать добропорядочным гражданином. Но сейчас вы осудили меня напрасно. Я не грабил этот поезд!

Глава 5

Человеческая природа такова, что чем короче речь, тем дольше она держится в памяти. А уж последнее слово осужденного за ограбление поезда выбило жителей города из привычной им колеи по крайней мере на месяц. Дестри уже давно увезли туда, где он должен был в поте лица трудиться десять лет, а жители Уома все перешептывались и качали головами.

Но говорили они не только о нем. Всем им, и молодым и старым, не давало покоя воспоминание о том, как Чарли Дэнджерфилд, работая локтями, протолкалась через плотную толпу, облепившую Дестри со всех сторон. Его вели к карете, в которой обычно возили заключенных из суда в тюрьму.

– Я верю тебе, Гарри! – крикнула она. – Я буду ждать тебя!

Уомцы только снисходительно улыбались, вспоминая эту забавную сцену, ведь Чарли тогда только исполнилось шестнадцать. Но шли годы, и постепенно кое-кто стал замечать, что хотя девушка любит посмеяться, поболтать с мужчинами да без ума от танцев, которые устраивались каждую субботу, этим все и ограничивается. Ни один из местных парней не мог похвастаться, что Чарли Дэнджерфилд подала ему хотя бы малейшую надежду. Из хорошенькой девочки она постепенно превратилась в очаровательную женщину, но ка-

кую-то странную, будто окружила себя невидимой, однако прочной стеной. Время шло, жители Уома перестали смеяться, вместо этого недоуменно чесали в затылках и перешептывались.

Вся эта история ничуть не повредила Шарлотте, скорее, окружила ее романтической дымкой. Ведь чем порочнее человек, которому женщина предана всей душой, тем более святой и достойной уважения делается она в глазах других мужчин. Их самомнение при виде подобного постоянства становится совершенно нестерпимым, а уверенность в том, что каждый из них достоин такой же преданности со стороны собственной жены получает прочную основу.

Более того, все девушки Уома – незамужние дамы, совсем зеленые и полные смутной надежды девственницы – вслед за мужским населением города тоже пали жертвой очаровательной Чарли Дэнджерфилд.

Она была окружена ореолом мученицы, тем более любимой, что не представляла для них ни малейшей опасности. Как бы красива и привлекательна она ни была, все знали – Шарлотта хранит верность Дестри. Прелестные представительницы слабого пола не испытывали к ней ни зависти, ни ревности. Если они были звездами, то она – луной на их фоне, но луной, которая всегда скрыта таинственной дымкой и ни в коем случае не затмевает скромные маленькие звездочки. Да и местные женихи очень скоро убедились в бессмысленности питать какие бы то ни было надежды в отношении

Чарли Дэнджерфилд. Случалось и так, что какой-нибудь заезжий кавалер, плененный ее прелестным личиком, а может быть, и богатством ее папеньки, которое росло день ото дня, летел к ней, словно мотылек на огонь, но, быстро опалив себе крылышки, смущенно убирался восвояси.

И вот по городу разнесся слух, поразивший местных жителей, будто ударом молнии: оказывается, за примерное поведение Дестри скостили срок и теперь он скоро окажется на свободе, отсидев неполных шесть лет вместо десяти, которые ему определил суд. Почему-то о Чарли Дэнджерфилд люди подумали в первую очередь – ведь ее герой возвращался к ней после этих долгих лет разлуки. Всем не давала покоя мысль о том, что будет дальше.

Кое-кто даже не поленился подсчитать, что сейчас Дестри уже исполнился тридцать один год. Ведь ему было не больше двадцати пяти, когда он впутался в ту грязную историю с ограблением, да отсидел шесть лет. Немного, конечно, но и не мало, хотя так и остался отверженным, тюремной пташкой, изгоем в родном городе. Все ждали неминуемого появления этого человека, прошедшего сквозь горнило испытаний, но так и оставшегося отмеченным их неизгладимым клеймом.

Вечером того дня, когда эта новость облетела весь город, под покровом темноты состоялось тайное совещание, на котором присутствовали Джерри Венделл, Клайд Оррин, оба брата Огдены и Кливс. Пришли Сэм Уоррен, Булл Хьюитт и

даже Бад Вильямс.

Сэм Уоррен, который до сих пор пользовался в городе репутацией самого меткого стрелка, как признанный лидер сидел во главе стола и председательствовал. Разговор был откровенный, так обычно говорят люди, столкнувшиеся лицом к лицу со смертельной опасностью, угрожающей всем без исключения.

Долго ходили вокруг да около, и только у Джерри Венделла хватило наконец смелости предложить нанять стрелка, который возьмет на себя труд позаботиться о том, чтобы мистер Дестри недолго ходил по земле.

Его предложение хоть и не отвергли, но выслушали без особого энтузиазма. Мысль об убийстве никого не возмутила, но всем показалось глупым платить деньги за голову того, кто и так, вне всякого сомнения, скоро вернется туда, откуда вышел. Клайд Оррин понял это первым и взял на себя смелость высказать то, о чем все думали, но не решались произнести вслух.

– Послушайте, ведь тюрьма еще никого никогда не исправила. Попад туда, человек может стать только хуже, а уж что тогда говорить о Дестри! Не успеет он появиться в городе, как тут же устроит какой-нибудь дебош, а уж наше дело – позаботиться, чтобы шериф с наручниками был наготове и сцапал его в ту же минуту!

Все признали этот план наилучшим. Поэтому было решено, что все они отправятся на небольшую прогулку в горы.

Так, ничего особенного, просто немного поохотиться. Это займет немного времени, а когда они вернутся, все их тревоги будут уже позади: Дестри к тому времени, вне всякого сомнения, окажется в железных руках закона!

Не успели они обсудить этот замечательный во всех отношениях план, как тихо скрипнула дверь в номере отеля, где они собрались, и в комнату осторожно проскользнул Чет Бент.

На лицах многих отразилось если не возмущение, то недовольство, но Чет подошел к столу, держа шляпу в руке, улыбнулся и заговорил, слегка задышавшись:

— Друзья мои, я нисколько не сомневаюсь, что вы изрядно удивлены, увидев меня здесь, среди вас. Конечно, я не был с вами, когда вы, двенадцать присяжных, признали Дестри виновным в ограблении и засадили его за решетку. Всем вам известно, что в то время я считал себя его другом. Я и сейчас его друг и уверен, что, выйдя из тюрьмы и вернувшись в наш город, он первым делом придет ко мне. Поэтому решил поставить вас в известность, что как только Дестри переступит порог моего дома, я сделаю все от меня зависящее, чтобы удержать его от противоправных и необдуманных действий. К сожалению, должен признать, мне это вряд ли удастся. Надеюсь, джентльмены, вы меня правильно поняли. Даю вам слово, я такой же друг и вам. И сегодня пришел сюда, чтобы доказать вам это. Как мне помочь вам, джентльмены? Все вы, полагаю, понимаете, что, как только Дестри окажется на

свободе, над вами нависнет страшная угроза?

Призрак грядущей мести вновь неслышно появился в полутемной комнате отеля, заставив опасливо поежиться бывших присяжных. Но как только смысл сказанного стал до них доходить, хмурые лица вмиг просветлели. Все одобрительно посмотрели на Бента. К тому времени он стал в Уоме довольно заметной фигурой. Нельзя забывать, что, пока несчастный Дестри томился за решеткой, Чет Бент более чем вшестеро увеличил свое состояние и пользовался всеобщим уважением. К тому же выяснилось, что Чет обладает незаурядной деловой хваткой, а кроме того, имеет в своем распоряжении изрядную сумму наличными, которую готов охотно вложить в какое-нибудь прибыльное дело. Вскоре он доказал это, поместив часть денег в золотые прииски и став одним из компаньонов в компании, которая занималась разработками неподалеку от Кристалл-Маунтинз. Распорядившись так удачно деньгами, он понемногу осмелел, стал вкладывать более крупные суммы то в одно, то в другое и наконец занял в Уоме настолько прочное положение, что по праву считался вторым человеком в городе. Конечно, пока еще ему было далеко и до Бенджамина Дэнджерфилда, который всегда слыл денежным мешком, и до скотоводческих королей, и до известных золотопромышленников Запада, но все же Честер тоже был очень богат. Кроме того, несмотря на относительную молодость, в городе он пользовался всеобщим уважением, и, если местные тузы обсуждали что-то

мало-мальски важное, Бент был непременным участником этих совещаний.

Все это давно и прочно засело в головах восьми сидевших за столом мужчин, а потому они с неослабевающим вниманием ловили каждое его слово. Судя по выражению их лиц, каждый думал об одном и том же. Дестри, одинокий волк, только что получивший свободу и жаждущий мести, — это ужасно, но с ним можно покончить. Однако, если за его спиной будет стоять такой человек, как Честер Бент, все может обернуться иначе. Он уничтожит их всех, одного за другим.

С подкупающей откровенностью собравшиеся признались, что приняли решение ненадолго исчезнуть из города, и им показалось, что Бенту эта идея пришлась по душе. Он дал слово немедленно сообщить, как только опасность перестанет им угрожать, чтобы они могли вернуться домой.

Наконец все разошлись. Позже вечером, когда почти стемнело, Честер мерил шагами перрон на вокзале, поджидая прибытия поезда, направляющегося на запад. Наконец вдали показались огоньки, и вскоре у перрона остановился длинный состав, несколько человек сошли на платформу. Вслед за ними торопливо снесли чемоданы, сбросили мешки с почтой. Потом протяжно завывла сирена, еще раз мигнули огоньки, и поезд исчез вдали, оставив после себя шум и суету. Честер озирался по сторонам. Однако Дестри не было видно.

Неожиданно чья-то рука осторожно тронула его за локоть,

причем так нерешительно и робко, что Честер испуганно оглянулся. Он увидел мертвенно-белое лицо, с неприятным землистым оттенком, напоминающим брюхо лягушки, и не сразу узнал Гарри Дестри. Перемена, произошедшая с ним, была так разительна, что Бенту понадобилось не раз и не два внимательно посмотреть на него, чтобы окончательно убедиться – да, перед ним действительно Дестри, человек, некогда приводивший в ужас мирных граждан Уома, циничный, неутомимый боец, чьи буйные попойки в салунах нередко заканчивались проломленными головами, месивом из остатков мебели и разбитого стекла, а затем долгими воспоминаниями об этом очередном побоище. Бенту показалось, что Гарри сильно похудел и даже как-то усох, что нередко случается с теми, кто держится только за счет былой славы, отлично понимая, что время ее давно прошло.

И это тот самый Гарри Дестри, подумать только!

На лице Честера отразилось какое-то непонятное торжество, в глазах сверкнул огонек, но это не была радость человека при встрече старого друга. Тем не менее он с готовностью пожал ему руку, похлопал по плечу.

– Поехали домой. Остановишься у меня, – предложил Бент. – Я приказал приготовить тебе комнату.

– Но, Чет, я просто не имею права, – смущенно пробормотал Дестри. – Вообще-то, по-моему, будет лучше, если я потихонечку исчезну из города и...

– О чем это ты толкуешь? – возмутился Бент. – Взгляни-ка

туда! Видишь, под перечными деревьями ждет экипаж – это за тобой! Да и потом, разве ты не знаешь, парень, что Чарли Дэнджерфилд все еще ждет тебя? Она бы с радостью приехала вместе со мной встретить тебя, не такая она девчонка, чтобы побояться каких-то глупых сплетен или разговоров кумушек за спиной, но я подумал, будет лучше, если вы в первый раз встретитесь не на глазах у всех. Ты же знаешь, как газетчики обожают подобные истории? Единственная дочь богатейшего скотовода в ожидании возвращения бывшего заключенного – ну, сам понимаешь, старина, что я имею в виду!

Болтая и похлопывая Дестри по плечу, он то ли вел, то ли тащил старого приятеля вперед. Подхватив одной рукой тощий заплечный мешок, в котором теперь заключалось все имущество Гарри, другой осторожно, но настойчиво подталкивал его в спину. Внезапно Дестри остановился.

– Богатейшего? – переспросил он удивленно. – А Чарли мне и словом не обмолвилась, ни в одном письме, представляешь?

– Наверное, Чарли не очень-то хотелось распространяться о том, что тебя ждет, когда ты вернешься в город, – неловко пояснил Бент, в этот волнующий момент встречи совсем забыв о том лоске, который приобрел за годы обучения в колледже. – Представь, все считали, что старине Бену такое не по зубам, а ему все удалось, и сейчас он – один из самых богатых скотоводов в округе! А его золотые прииски!

Да там столько золота, сколько тебе и не снилось, оно просто сочится из земли, хоть лопатой копай! Богатый, говоришь?! Да они с Чарли битком набиты деньгами, только что не звенят на ходу, а это значит, парень, и тебе на роду написано купаться в деньгах. Ну давай, беги к Чарли, дружище, да не забудь поцеловать ее покрепче! Помни, она ждала этой минуты целых шесть лет. Шесть лет, Гарри!

Он вдруг замешкался, когда они были уже в двух шагах от поджидавшего их экипажа. Со стороны это выглядело так, как если бы Бент не хотел навязываться Дестри. Но как только он убрал руку, которой придерживал приятеля за плечи, вдруг стало ясно, что Гарри каждый шаг дается с немалым трудом. Очень медленно Дестри двинулся в сторону от фаэтона, казалось, ноги отказываются ему служить. Он побрел, волоча их, туда, где лежала густая тень от высоких перечных деревьев, и, остановившись под их зеленым куполом, поднял голову вверх, где на синем бархатном небе ярко мерцали звезды.

В то же мгновение из фаэтона выпорхнула Чарли Дэнджерфилд, и в темноте он почувствовал, как две тонкие руки обхватили его за шею.

– Гарри, Гарри, Гарри! – заливаясь слезами, запричитала она. – Что они с тобой сделали, Господи? Что они сделали?!

Девушка, содрогаясь от жалости, осыпала поцелуями его землисто-бледное лицо, которое, казалось, светилось в темноте, и чувствовала, как оно холодеет под ее горячими губа-

ми.

Дестри даже не сделал попытки обнять ее, словно оцепенел. Руки его бессильно повисли вдоль тела.

– Это были нелегкие для меня годы, Шарлотта, – пробормотал он.

И тут она вдруг подумала, что он страшно изменился, другим стал даже его голос. Гарри почти шептал, будто опасался, как бы его слова не донеслись до чужих ушей.

Ужаснувшись этой перемене, Чарли принялась лихорадочно строить планы. Она то и дело принималась смеяться сухим, нервным смехом и с трудом согласилась вернуть Дестри под опеку Честера Бента. Они договорились, что рано поутру Честер приедет на ранчо Дэнджерфилдов и привезет с собой Гарри. По словам девушки, ее отец просто с ума сошел от желания познакомиться с ним. Ну а пока ему не мешает отдохнуть и как следует выспаться.

Но прежде чем она ушла, Бент, воспользовавшись моментом, заглянул ей в глаза. И прочел в них смертельный страх. Поэтому на обратном пути к дому Чет вполне искренне радовался жизни.

Глава 6

Пока они ехали, Честер мечтал как следует рассмотреть Дестри при свете сильной лампы. Но это оказалось не так-то просто – Гарри категорически отказывался дать ему такую возможность. Даже сидя в столовой, он ухитрился так повернуть стул, на котором сидел, чтобы лицо его скрылось в тени. Только после этого удовлетворенно вздохнул и, время от времени покачивая головой, стал слушать хозяина.

Как ни странно, сам он говорил очень мало и, что еще более странно, теперь у него появилась удивительная привычка начинать каждую фразу с извинения типа «Если ты не возражаешь» или «Прости, Чет, но...», а то и того хлеще: «Конечно, то, что я скажу, ничего не значит, но...» и так далее. Даже Честеру Бенту стало не по себе, когда он увидел, как стальной кулак закона может смять и сплющить человека, которого еще вчера все считали символом мужества и неспясаемой воли.

После сытного обеда они перебрались в библиотеку, ту самую библиотеку, которая, казалось, венчала собой удачливую карьеру Бенга. Толстые корешки внушительных томов громоздились здесь до самого потолка, настолько высокого, что последние полки почти терялись в сумраке, а на столе всегда валялись два-три фолианта, открытых посередине, с многочисленными пометками на полях, как если бы человек,

корпевший над ними, только что вышел. Огромный стол посредине был завален ворохом документов. На этой тщательно подготовленной сцене, среди продуманных декораций Честер намеревался разглядеть своего гостя получше, но и тут это не удалось.

Уже пробило десять, когда правда вдруг предстала перед Бентом в своей обезоруживающей простоте – оказывается, Дестри мечтал покинуть Уом навсегда!

Раньше, сказал Гарри, он с радостью дышал воздухом родного края. Но теперь этот город внушает ему суеверный ужас. Гость сидел в кресле, слегка склонив голову к плечу, слушал, как на болоте за окном надрываются от крика огромные жабы, и по мере того, как шло время, чувствовал себя все более неуютно.

– Я должен уехать, – повторил он Бенту. – Да и с какой стати ты должен со мной возиться, Чет? Ты и так был добр ко мне, я этого никогда не забуду. Но остаться я не могу. Здесь я нажил себе врагов в каждом доме!

– Да брось, старина, подумай, ведь и друзей у тебя тоже хватает!

– Друзей хватает, это верно! Но, видишь ли, от пули не спасет ни один друг. Это невозможно, Чет! Я должен уехать, должен! Хочу изменить свою жизнь, хочу мира и покоя. Ни за какие сокровища я бы теперь не решился доставить кому-то неприятности.

Он произнес это с дрожью в голосе. Честеру пришлось

установиться в пол, чтобы его собеседник не успел заметить искорку ликования, вспыхнувшую в его глазах. Сразу после этого, скомкав беседу, он настоял, чтобы Дестри отправился в постель. Но при виде роскошной спальни, а особенно великолепной кровати Гарри наотрез отказался там остаться. Пришлось предоставить ему крохотную комнатку под самой крышей с окошком едва ли больше кошачьего лаза.

Дестри деликатно кашлянул, указывая на него Бенту:

– Что скажешь, Чет? Разве мыслимо, чтобы кто-то тут пролез, да еще глубокой ночью?

– Ты имеешь в виду человека? Да здесь и жаба застрянет, если она нормальных размеров! – успокоил его Честер.

Ему показалось, что при этих словах у его гостя вырвался вздох облегчения. Гарри безропотно, словно малое дитя, наконец улегся в постель.

Бент вернулся в библиотеку и уселся писать письмо Джерри Венделлу:

«Дорогой Джерри!

Гарри Дестри вернулся в город, но он так изменился, что на себя не похож! Ты бы его не узнал. В данную минуту крепко спит в крошечной комнатке только что не на чердаке. Окошко там такое, что и крыса не пролезет, а он счастлив, что никто не сможет забраться ночью к нему в комнату!

Уверен, вы все можете совершенно безбоязненно вернуться в город. Но если ты все же опасаясь, пришли

вначале кого-нибудь из наиболее решительно настроенных. Пусть он прощупает почву и убедится, что Дестри совсем не опасен, скорее даже безобиден – это видно с первого взгляда.

Из этого письма ты можешь убедиться, что я по-прежнему твой искренний друг и желаю добра не только тебе, но и всем остальным. Но так же я желаю счастья и бедняге Дестри.

Он много не распространялся о том, каково ему было за решеткой, однако бросил несколько фраз о темной камере и подобных мерзостях. Должно быть, ему там пришлось несладко, особенно вначале, и все это постепенно сломило его дух.

Мне от всего сердца жаль его. Нисколько не сомневаюсь, что то же самое скажешь и ты, как только увидишь, каким он стал.

С искренним уважением,

Чет Бент».

Затем Честер вышел из дому, чтобы поскорее отправить письмо. Шагая по дороге под сияющими в вышине звездами, он с удовольствием вдыхал свежий воздух. Почему-то ему казалось, что нынче ночью даже звезды светят ярче, чем обычно. Вернувшись, Бент, прежде чем войти в дом, постоял на пороге, вглядываясь в темноту. На миг ему вспомнилась полная неизъяснимой прелести улыбка Чарли Дэнджерфилд, за которой виделись еще более привлекательные миллионы Бена Дэнджерфилда. Но видение быстро исчезло, и

Чет отправился в библиотеку.

Постелив себе на кушетке, он улегся, но лампу, как обычно, оставил гореть. Припозднившиеся жители Уома давно привыкли видеть по ночам свет в его доме, в доме преуспевающего человека, который далеко пойдет. Они и так уже называли его чуть ли не гением, который, однако, не считает для себя зазорным работать по десять-двенадцать часов! Уважение к нему росло, и вместе с тем он ни в ком не вызывал зависти!

Было уже далеко за полночь, когда Бент позволил себе потушить свет и, повернувшись на спину, обвел сонным взглядом комнату. Глаза у него слипались, не прошло и минуты, как он сладко заснул.

Разбудив на рассвете Дестри, Честер напомнил ему, что они должны навестить Бена Дэнджерфилда. И вскоре они уже были на ранчо. А там, пока Гарри разговаривал со своим возможным тестем, он отправился с Чарли погулять в роще. Издалека до них доносился только оглушительный бас Бена, который то и дело удивленно рокотал: «Господи, Гарри, и чего ты заглядываешь за дверь? Чего ты там не видел, пыль, что ли?»

Шарлотта готова была без умолку говорить только о Дестри, но Бент делал все, чтобы уклониться от этой темы, и наконец перевел разговор на другое. Не прошло и получаса, как Бен Дэнджерфилд их позвал. Вернувшись, они увидели Гарри, стоящего с низко опущенной головой и ковыряюще-

го землю носком сапога. Бент услышал, как за его спиной коротко всхлипнула Чарли, но у него не хватило духу обернуться и взглянуть ей в глаза.

Дэнджерфилд был мрачнее тучи. Сжав зубы так, что на скулах заходили желваки, он буркнул, не стесняясь присутствия дочери:

– Что ж, моя дочь уже в том возрасте, когда пора иметь собственную голову на плечах. Если ты ей нужен, клянусь, она тебя получит. Так тому и быть! Я умываю руки!

А ведь было время, подумал Честер, когда даже Дэнджерфилд, несмотря на все его миллионы и убеленную сединами голову, не мог и представить, что с Дестри можно разговаривать в таком тоне. Но то время безвозвратно ушло.

Бент отвез Гарри обратно в город, краем глаза наблюдая, как тот то и дело кусал губы и старался что-то разглядеть сквозь жаркое летнее марево, висевшее над дорогой. Ни один из них не произнес ни слова, пока экипаж не оказался на окраине города. Здесь Дестри попросил остановиться, сказав, что хочет пешком прогуляться по Уому. Его желание было исполнено, Честер стегнул лошадей и поехал к себе в контору.

Все, казалось, было прекрасно. Он с головой погрузился в работу. Но даже занимаясь самыми неотложными делами, не переставал мечтать. Его надежды были связаны с Чарли Дэнджерфилд.

В половине двенадцатого Бент наскоро перекусил ломти-

ком имбирной коврижки, запивая ее молоком, потом опять вернулся к работе и безвылазно сидел в конторе. Там его и обнаружила Шарлотта, ворвавшись вскоре после полудня, словно вихрь, в его кабинет.

Похоже, путь от ранчо до конторы она преодолела бешеным галопом. Это было заметно по ее покрасневшимся щекам и пыли, покрывшей пышные волосы. Чарли вбежала в кабинет и замерла как вкопанная, нервно теребя пальцами, затянутыми в перчатки, подол амазонки. В ее глазах стояли отчаяние и боль, точь-в-точь как накануне вечером, когда они встретились на станции.

– Я не могу видеть это, Чет! – пробормотала она наконец. – Господи, я так несчастна! Нет, это просто невозможно! Я так ждала этого дня, но теперь после всего, что случилось, больше не могу!

Он мягко поинтересовался, что произошло.

– А разве ты не знаешь? – воскликнула девушка. – Да ведь весь Уом уже гудит, как потревоженный улей! Я просто не в состоянии пересказывать тебе весь этот кошмар!

Он легко мог бы и сам угадать. Какое-то смутное чувство подсказывало ему, чем все это кончится, еще в тот момент, когда высаживал своего молчаливого спутника из экипажа. Но Чет в недоумении развел руками – откуда же ему знать, что там стряслось? Он ведь с самого утра носа не высовывал на улицу!

Чарли пару раз нервно прошла по комнате прежде, чем

нашла в себе силы заговорить. Потом, остановившись неподалеку от него, выглянула в окно.

– Он пошел в салун «Еще один шанс», – быстро затараторила она, глотая слова, будто желая как можно скорее с этим покончить. – И знаешь, что там заказал? Лимонад!

– Честно говоря, я рад, если он бросил пить. Ты ведь именно это имеешь в виду? – поинтересовался Бент.

Она бросила на него сердитый взгляд и уныло сказала:

– Ох, Чет, это не совсем то, что ты думаешь! В тебе говорит твоя прежняя привязанность к нему, будь она проклята! Послушай, что было дальше. Потом туда явился Дад Кросс. Да ты отлично его знаешь – такой пустой, никчемный парнишка! К тому же еще и пьяный в стельку! И надо ж такому произойти, случайно толкнул Дестри! Видел бы ты лицо Кросса в тот момент, когда он понял, кто перед ним! Говорят, отскочил, точно кенгуру, чуть ли ни через всю комнату! Затем боязливо оглянулся, и что же, как ты думаешь, он увидел? Гарри будто ничего и не заметил! Сидел, сам себе улыбаясь, такой бледный и слабый! – Девушка остановилась, чтобы перевести дыхание. Но когда набрала полную грудь воздуха, продолжила рассказ, кипя от негодования: – Похоже, этот маленький негодник Дад Кросс понял все с первого взгляда! Он повернулся и обвинил Гарри в том, что тот якобы толкнул его! А Гарри проглотил и это! – Захлебнувшись от возмущения, Чарли на секунду замолкла, но потом добавила: – Дад Кросс заявил, что раз он, дескать, не привык

пить с настоящими мужчинами, то пусть убирается вон. И Гарри ушел!

Это было слишком даже для Бента, он неловко спрятал лицо в носовой платок.

– Кросс попросту выкинул его на улицу. Выкинул, как щенка! А Гарри встал как ни в чем не бывало и отправился домой, то есть к тебе. Уверена, он и сейчас там. Ах, Чет, я так хочу поступить с ним по совести, только не знаю как!

Все произошло так быстро, что Бент едва смог поверить удаче, которая сама шла ему в руки. Но у него хватило здравого смысла не запрыгать от радости прямо у девушки на глазах.

– Думаю, мне понятно, в чем тут дело, – медленно проговорил он. – Впрочем, не знаю, чем тут можно помочь. Тебе надо повидаться с ним и объяснить, что так дело не пойдет!

– Ты намекаешь, что я должна отправиться к нему и отвесить ему пощечину или что-то вроде этого?

– Тебе нет необходимости с ним видеться. Уверен, он и сам это понимает, во всяком случае, ожидает этого. По крайней мере, если в нем осталась хоть капля того, что делает мужчину мужчиной. Нет, Чарли, будет гораздо лучше, если ты сейчас сядешь за этот стол и напишешь ему письмо. Этого будет вполне достаточно. Я согласен даже продиктовать его. А вечером передам ему твое послание и все объясню.

– Неужели ты правда согласен? – Она круто повернулась, так что юбка вихрем взлетела вокруг ее ног, и схватила его за

руки. — Я вижу, как ты благороден, Чет, оставаясь ему верным другом. Ведь ты один из всего города с ним сейчас, когда он так слаб.

Это так прекрасно! Но, Боже мой, Чет, скажи же ему, только очень осторожно, очень аккуратно, о том, как обстоят дела! Я никогда его не брошу, никогда, если только он будет мужчиной!

Глава 7

Вечером Бент принес домой письмо Чарли и передал его Дестри в сумерках библиотеки. Вот что в нем было написано.

«Милый старый Гарри!

Так больше не может продолжаться. Ради тебя я была готова на все, переплыла бы океан, если бы на другой стороне меня ждал Гарри Дестри, но такой, каким он был прежде. Но, думаю, ты и сам знаешь, что изменился с тех пор. Пойми, я не виню тебя. Шесть жутких лет могут сломать кого угодно. Надеюсь, в один прекрасный день ты снова станешь прежним: сядешь в седло и будешь гоняться за мустангами. Если это случится, возвращайся. Дорогой Дестри, постарайся не возненавидеть меня, я всегда была тебе другом. И останусь им навсегда.

Чарли Дэнджерфилд».

Пока Дестри читал, Бент молча стоял по другую сторону стола. Потом заговорил:

– Она не знала, как поступить. Бедная девочка так боялась встретиться с тобой, Гарри. Поэтому передала со мною письмо. Мне очень жаль, старина. Похоже, я догадываюсь, что она пишет.

Но Дестри, осторожно сложив листок, вдруг упал в боль-

шое кожаное кресло и, к величайшему удивлению Чета, повел речь совсем не о Чарли Дэнджерфилд.

– Оба Огдена в городе, Чет, – донесся из глубины кресла его жалобный, надтреснутый голос. – Я слышал, что и Сэм Уоррен, и Клайд Оррин тоже вернулись. Ты помнишь? Все они тогда были присяжными! Что, если теперь подумают, будто я хочу с ними расквитаться? И, не дай Бог, попробуют добраться до меня первыми?! Чет, может, лучше мне смыться из города?

Конечно, эта идея Бенту была по сердцу. Теперь, когда девушка, похоже, поставила на Дестри крест, самое время и услатить его подальше. А то, чего доброго, она еще проникнется к нему жалостью. А насколько Честер знал Чарли, в этом случае она легко могла свести на нет все его хитроумные планы.

– Может, ты и прав, – ответил он. – Действительно, в Уоме для тебя становится жарковато. Ты ведь помнишь, Гарри, старые добрые времена, когда твоя пушка чертовски ловко выскальзывала из кобуры. Наши горожане этого тоже не забыли. Так что лучше уезжай. О деньгах не волнуйся – я об этом позабочусь. Я ведь тебе обещал, старина, что никогда не брошу тебя в беде, что бы там ни случилось, и к черту всех!

Он не дождался даже простой благодарности! Дестри, будто погрузившись в транс, ничего не видел и не слышал.

– Мне сказали, что они почти все в городе. И Бад Вильямс

и Джерри Венделл... Восемь человек, и все вместе! Те самые восемь, которые были присяжными, когда меня засадили за решетку!

– Да, похоже, здешний климат сейчас вряд ли благотворно подействует на тебя, – согласно кивнул Бент. – Послушай-ка, старина, можешь уехать прямо сейчас, если хочешь. У меня в конюшне стоит неплохая лошадка, она даже под седлом. Я кое-что соберу тебе в дорогу, а ты забирай ее и уноси ноги. Успеешь проскакать не меньше пятидесяти миль прежде, чем взойдет солнце.

Услышав это щедрое предложение, Дестри жалобно застонал:

– Ах, Чет, но что же я смогу сделать один, в этой пустыне, да еще если они все погонятся за мной?! Что со мной будет в горах, скажи на милость?! Они ведь легко меня выследят! А я буду один! О Боже милостивый! Только представь себе, заехать в горы и вдруг увидеть, как высоко над тобой кружат стервятники, которые через пару дней соберутся, чтобы выклевать тебе глаза!

Тут даже Бент почувствовал, как где-то глубоко в его душе шевельнулась жалость.

– Какого черта? – рявкнул он. – Что они там сделали с тобой, парень, в этой проклятой тюрьме?

Дестри провел дрожащими руками по гладко прилизанным волосам и спрятал лицо в ладонях.

– Лучше не вспоминать! – пролепетал он.

Бент великодушно с ним согласился, потому что увидел, что Гарри уже на грани нервного срыва.

Закрывшись у себя в комнате, он быстро нацарапал коротенькое письмо Джерри Венделлу.

«Дестри совершенно сломан, это конченный человек. Вы, ребята, будьте с ним помягче. Он абсолютно безвреден и беззащитен. Уверен, что и вы пожалеете его, как только увидите, в какое жалкое подобие человека он превратился. Чарли Дэнджерфилд разорвала их помолвку и вернула ему слово, — это пока секрет, но, думаю, вы его узнаете уже завтра, — а у бедняги даже не хватает духу пожалеть об этом! Он вообще не может ни о чем думать, как только об опасности, угрожающей ему самому. Представь только, Джерри, Дестри до смерти боится встретиться с тобой и остальными ребятами — то есть с теми, кто тогда его осудил. По-моему, пройдет немало времени прежде, чем он станет самим собой!

Чет».

Последнюю фразу он приписал с некоторой долей сомнения. Конечно, было бы ошибкой считать, что Дестри навсегда останется таким. Нет, думал Бент, безобидным Дестри долго не будет. И не то чтобы он его боялся, просто когда-то давно вычитал в какой-то книге, что настоящая любовь посещает женщину лишь однажды. Почему-то эта фраза глубоко поразила его и запомнилась надолго. Сейчас Честер чув-

ствовал, что стал как будто ближе Чарли Дэнджерфилд. Может, это случилось потому, что он единственный не отвернулся от Дестри, и она высоко оценила это. А если мечта его сбудется и в один прекрасный день Чарли выйдет за него замуж, для нее будет невероятным возрождение прежнего Дестри. Ход мыслей Бента был прост и ясен – этого нельзя допустить! У его гостя не должно быть никакого будущего!

Он послал мальчишку отнести письмо. Потом отправился вниз, чтобы отыскать Гарри и пригласить его на ужин.

Но Дестри нигде не было. Слуга сообщил: он ненадолго вышел и просил передать Бенту, что хочет немного подышать воздухом. Однако Гарри не оказалось ни на заднем дворе, ни в саду перед домом.

Скорее всего, решил Бент, бедняга отправился в город. Должно быть, его на части раздирали противоречивые чувства: с одной стороны, страх, с другой – зависть к тем, кто может себе позволить беззаботно пить и веселиться. Наверное, умирал от желания оказаться среди этой легкомысленной толпы, чтобы хоть ненадолго вырваться из липкой паутины собственной трусости!

А в эту минуту Гарри Дестри крался вниз по главной улице Уома, стараясь избегать ярко освещенных мест, быстро перебегал с одной стороны улицы на другую, чтобы все время оставаться в тени, пока наконец не добрался до района, где сияли огнями салуны. Выбрал среди них «Глоток удачи», приблизился к нему, и вот тут-то проказница-судьба, нико-

гда не упускающая случая сыграть с кем-нибудь злую шутку, послала ему навстречу Дада Кросса, который как раз соби-
рался уходить, поэтому столкнулся с Дестри прямо в дверях.

– Ух ты, кого я вижу! – заорал Кросс. – Паршивая соба-
чонка опять на свободе! А ну, ступай домой, пусть хозяин
посадит тебя на цепь! Иначе тут, в Уоме, с тебя живо шкуру
сдерут!

Еще не договорив, он шагнул вперед. Похожая на лопату
ладонь с размаху опустилась на лицо Дестри, и тот, словно
жалкий щенок, отлетел в сторону, растянулся на земле. Так и
остался лежать, беспомощный, не делая даже попытки под-
няться. Одна половина его землисто-бледного лица побагро-
вела от удара, мутные глаза растерянно шарили по лицу му-
чителя, когда пьяный Дад Кросс с широкой ухмылкой скло-
нился над своей жертвой, собираясь врезать ей еще разок.

На счастье Дестри в эту минуту рядом появился шериф
Динг Слейтер и преградил дорогу Кроссу, ткнув указатель-
ным пальцем прямо в его багрово-красную физиономию.

– А ну-ка, убирайся отсюда, да поживее! – велел он.

И Дад Кросс бесшумно растворился в ночи, словно при-
видение.

После этого шериф наклонился к Дестри. Беспомощность
и отчаяние, написанное на его лице, против воли тронули
сердце Слейтера.

– Гарри, – по-отечески обратился он к нему. – Ну ска-
жи, какого черта ты валяешь дурака и шляешься по улицам?!

Послушайся совета, старина, иди-ка лучше домой. Ты меня слышишь?

– Да, – прошептал Дестри. – Да, я вас слышу.

Шериф невольно содрогнулся – на него смотрели совершенно пустые, мутные глаза, полные того безысходного отчаяния, которое бывает у затравленного зверька. Он круто повернулся на каблуках и поспешил прочь, беззвучно ругаясь сквозь зубы, впервые в жизни проклиная ту законодательную систему, которую вынужден был защищать.

А Дестри, которого будто влекла вперед какая-то таинственная сила, медленно поднялся, рывком распахнул дверь и вошел в салун.

Здесь было шумно. Не меньше дюжины завсегдатаев сидели, облокотившись на стойку бара. Не успел Гарри войти, как раскрасневшиеся лица мгновенно повернулись в его сторону и любопытные глаза уставились на него. Однако уже в следующее мгновение интерес к нему угас, и Дестри больше не видел ничего, кроме равнодушных спин. Казалось, мало-помалу о его присутствии забыли.

Все это было ему не совсем понятно. Осторожно пробравшись между столиками, он уселся в самом дальнем конце зала и откинулся назад, почти слившись со стеной. Ему принесли выпить, но, забыв про стакан, Дестри тупо уставился в пространство и погрузился в размышления.

В прежние времена все эти люди охотно пили и веселились за его столом. Но жалость, которую он вызывал сейчас,

заставила их отвести глаза от павшего героя. И если во время беседы кто-то случайно и встречался с тусклым взглядом Дестри, то, смутившись, старался побыстрее отвернуться.

На бывших приятелей присутствие Гарри в салуне действовало как-то угнетающе: веселье понемногу стихло, сами собой увяли разговоры. Вот разошлась одна компания. Следом за ней последовала другая, потом еще и еще. В конце концов, ведь это не единственное место в Уоме, где можно выпить и повеселиться, зато там никто не будет нагонять тоску. Увы, эти люди не понимали, что куда сильнее тоски их гнал прочь безотчетный ужас перед тем, как низко, не выдержав бремени унижений, может пасть некогда храбрый человек!

Хозяин салуна вовсе не был ни злым, ни жестоким, но и у него вырвалось невольное проклятие, когда он вышел в зал и с удивлением обнаружил, что тот опустел, а возле стойки больше не теснятся подвыпившие завсегдатаи. Даже не пытаясь сдержать негодования, хозяин ткнул пальцем в сидящего за столом Дестри и оглушительно заревел:

– Ты, послушай! А ну, допивай и выметайся отсюда!

– Конечно, – кивнул Гарри и уставился на кабатчика все с тем же робким, застенчивым видом, который привел того в некоторое замешательство.

Вдруг из дальнего конца зала прогремел чей-то голос:

– Эй, оставь его в покое! Неужели не понятно, что у бедняги не все в порядке с головой?

– Меня от него тошнит, – проворчал хозяин с притворным отвращением, которого он вовсе не испытывал.

Вернувшись за стойку, он плеснул себе виски, за которое тут же и расплатился. А в это время верзила, сидевший в дальнем конце зала, двинулся к Дестри и, неуклюже пробравшись между столиками, заговорил с ним. После того как старые знакомые обменялись приветствиями, Дестри поинтересовался:

– Не слышал, Венделл в городе? Не знаешь, случаем, где он живет?

– Спустись на два квартала вниз по улице и увидишь огромный дом с большой каминной трубой – это он и есть.

– В самом деле? А дом Оррина как раз напротив, не так ли?

– Нет, Оррин переехал. Он теперь живет немного дальше вниз. А напротив него – Кливс.

– Да что ты! Ведь они с Вильямсом большие приятели.

– Так оно и есть.

– А Вильямс тоже в городе?

– Да. Он снимает номер в отеле «Дарлингтон».

Верзила поднес стакан к губам и вдруг поперхнулся.

Гарри проследил за его взглядом и с содроганием увидел то, что так часто являлось ему в ночных кошмарах. Как раз в эту самую минуту братья Огден, горланя и пересмеиваясь, широко распахнули дверь и ввалились внутрь. Первое, что они заметили, оказавшись в салуне, – было бледное лицо Де-

стри.

Есть вещи, которые ясны как день. Когда лось, медленно переставляя по снегу подламывающиеся ноги, застывает, не в силах бежать дальше, а вокруг него один за другим рассыпаются в круг волки, устало вывалив красные языки, не надо быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться, что не пройдет и нескольких минут, как они будут, рыча и отталкивая друг друга, рвать кровавое, дымящееся мясо. Вот и теперь, глядя на глумливо ухмыляющиеся физиономии обоих братьев, можно было не сомневаться, что они явились сюда за Дестри.

Глава 8

В первую минуту братья сделали вид, что не увидели Гарри. Прямоком направились к бару, шумно заказали виски. Дестри по-прежнему сидел в углу, погруженный в собственные мысли, казалось, грезящий с широко раскрытыми глазами. Старик кабатчик, немало повидавший на своем веку, украдкой то и дело участливо поглядывал на него, как опытный психиатр, который видит симптомы опасного, возможно даже смертельного недуга, но не знает от него спасения. В зале оставалось всего пятеро. Один за другим они отошли от стойки, вполголоса беседуя между собой так, будто разговор шел о чем-то достаточно личном, что невозможно обсуждать при других, в свете двух керосиновых ламп, которые заливали тусклым красноватым светом и сам бар, и небольшое пространство вокруг него.

Еще до появления обоих Огден в салуне повисла напряженная тишина, какая обычно бывает во время встречи боксеров-профессионалов – зрители затаили дыхание, приглушенно звучат голоса в зале, наконец воцаряется мертвая тишина, когда даже едва слышный шепот, словно раскат грома, проносится сразу над несколькими рядами, и незадачливый болельщик испуганно приседает, съеживается, растерянно оглядываясь по сторонам в надежде, что никто не заметил его оплошности.

Точно такая же напряженная тишина повисла и в баре как раз перед приходом обоих братьев. Они были очень похожими. Вообще этот тип людей весьма характерен для Среднего Запада. Друг друга они понимают с полуслова, и в то же время для всех остальных остаются загадкой.

Огдены были высокого роста, но при этом не казались неуклюжими. Плечи у обоих были достаточно широки, а грудь далеко не впалой. Они держались прямо, высоко подняв головы, и все же в их облике было что-то неуловимо мерзкое, от чего становилось муторно на душе. Может, причиной этому было сальное выражение их лиц, сильно скошенные маленькие глазки, всегда немного прищуренные, словно от смеха, хотя внимательный наблюдатель мог бы сразу сказать, что на подобных физиономиях искренний, веселый смех бывает редким гостем. Братья постоянно обменивались ухмылками, точно посмеиваясь над какой-то непристойной шуткой, которую слышали только они одни во всем мире. Казалось, будто это придает им уверенности в себе. Ведь смех – оружие обоюдоострое: когда двое поглядывают друг на друга с усмешками, понятными лишь им, остальные начинают чувствовать себя весьма неудобно.

Как раз в этот момент Огдены в очередной раз ухмыльнулись друг другу и чокнулись высоко поднятыми стаканами. Им не пришлось в голову повернуться к бармену и, как водится, поприветствовать его дружеским кивком или, к примеру, послать остальным завсегдатаям добродушную улыбку. Нет,

вместо этого они быстро сдвинули стаканы и так же быстро их опорожнили. Затем, поставив не глядя пустые стаканы на полированную стойку бара, опять погрузились в какой-то разговор.

Они пришли убить Гарри Дестри. Этот их замысел был совершенно очевиден как для них самих, так и для остальных посетителей салуна. К несчастью, братьям никак не удалось придумать, как, собственно, начать то, зачем они явились, как незаметно перейти от болтовни к тому, чего оба страстно желали. Все было бы гораздо проще, если бы могли просто обернуться и выпустить в Дестри парочку пуль так, чтобы ублюдок распростерся мертвым на полу!

Огдены опять обменялись взглядами. В них был и стыд, и смущение, и тайный страх. Сдвинув головы, наконец принялись вполголоса обсуждать, как лучше перейти к делу.

Ах, если бы только Гарри дал им хоть малейший повод накинуться на него, хоть бы пальцем пошевелил! Но он по-прежнему сидел не произнося ни слова, обратив пустой, безжизненный взгляд на соседний стул, ни о чем не спрашивал, ни с кем не заговаривал, даже не пытался ни к кому обратиться. Но вот наконец чуть заметно поднял голову, затем встал, подошел к стойке и попросил:

– Налей-ка мне еще!

В эту минуту кабатчик впервые с удивлением заметил, что стакан у Дестри пуст. Он вытащил бутылку и, дождавшись, пока Дестри покажет, сколько ему налить, плеснул ему вис-

ки, затем украдкой наполнил до краев собственный стакан, потому что почувствовал, что его нервы вот-вот не выдержат.

Все разговоры в салуне стихли. Один из посетителей поднялся и бесшумно выскользнул на улицу, другие безмолвно замерли на своих местах, напряженно наблюдая за развитием событий. По-видимому, им не терпелось увидеть, как разделяются с Дестри. Не то чтобы он оставался видной фигурой в городе, просто по-прежнему был человеком, которого невозможно не заметить.

Вдруг Джадд Огден посмотрел на него.

– Дестри?

Тот медленно поднял голову. На губах его застыла слабая улыбка.

– Да?

В эту секунду никому, кроме кабатчика, не было видно его лица. Кабатчик вдруг почувствовал, как какая-то странная дрожь пронизала его с головы до ног. Его рука с зажатым в ней стаканом невольно дернулась, и половина виски выплеснулась на пол. Все еще охваченный этим непонятным смятением, он растерянно опустил стакан на стойку, но потом, внезапно передумав, схватил его и одним глотком опрокинул в себя содержимое. Затем мучительно раскашлялся, но даже не сделал попытки уйти. Вцепившись в стойку обеими руками, замер на месте как вкопанный, но смотрел не на братьев Огден, а лишь на одного Дестри, будто зачарован-

ный тем странным спектаклем, который разыгрывался перед его глазами.

– Дестри, – подхватил Кларенс Огден вслед за братом, – ты ведь не забыл то время, когда попортил нам немало крови, а?

– Я? – спросил Дестри все тем же безжизненным тоном. – Вы хотите сказать, что я причинил вам какое-то зло?

– Именно ты, – резко бросил ему в лицо Джадд Огден.

В зале повисла мертвая тишина. Посетители боялись шевельнуться, только обменивались боязливыми взглядами, абсолютно не сомневаясь, что близится ужасная развязка.

– Ну, если вы так говорите, – смущенно произнес Дестри, – прошу меня простить. Страшно сожалею, если по моей вине у кого-то в этом прекрасном городе возникли неприятности! При одной мысли об этом у меня на душе тяжело!

Говоря это, он словно случайно отодвинулся от стойки и повернулся лицом к залу. С губ его сорвался короткий, лающий смех.

Невольные зрители едва верили своим ушам. Вытаращив глаза, они переглядывались, кое у кого отвисла челюсть. Что же до братьев Огден, они обменялись загадочными взглядами, потом перемигнулись, словно именно этого и ожидали. Через мгновение тяжелая туша Кларенса Огдена двинулась вперед и нависла над Дестри.

– Ты вонючая крыса! – презрительно фыркнул он.

Но Дестри даже не шелохнулся, будто не слышал.

– Это тяжкое оскорбление, – наконец произнес он.

А как только прозвучали эти слова, всем стало ясно, что он вовсе не боится! Этот жалкий трус, ничтожество, которому даже не было названия, вдруг чуть отодвинулся от стойки и повернулся лицом к обоим Огденам. В его бесстрастном голосе не было и намека на страх!

– Это тяжкое оскорбление, – повторил Дестри.

И опять его голос звучал ровно!

Все происходящее было похоже на то, как если бы тщательно замаскированное кустами и ветками орудие вдруг дало неожиданный залп. Сальные физиономии обоих братьев мгновенно помертвели. Примолкшие зрители, влекомые каким-то подсознательным чувством, придвинулись ближе друг к другу, встав плечом к плечу так, что образовался полукруг. Стояла оглушающая тишина.

И вновь прозвучал голос Дестри:

– Почему вы так называли меня, парни?

Братья Огден молчали.

Они-то примчались сюда в полной уверенности, что встретятся с диким зверем, чьи когти и зубы вырваны, а потому он больше не представляет ни малейшей опасности. Но вдруг выяснилось, что это не так!

– Я вижу, вы двое хотели меня оскорбить, – заявил Дестри. – Ваши слова больно меня задели. В чем дело, ребята? Я пришел сюда, чтобы немного выпить в тишине, и вдруг вваливаетесь вы, Огдены. Храбрые. Здоровые. Хорошо известные в этом городе. И ни с того ни с сего называете меня

вонючим скунсом или как-то вроде этого, а за что?

Он улыбнулся обоим братьям, но те и не подумали улыбнуться в ответ.

– Не хотите же вы сказать, – Дестри говорил все тем же невозмутимым тоном, – что явились сюда, рассчитывая найти беспомощного щенка, а вместо этого нарвались на злобного пса?

Улыбка его стала шире. Он улыбался, а изумленные зрители заморгали: прямо у них на глазах Дестри как будто стал выше ростом, спина его распрямилась, опущенные плечи развернулись, в тусклых глазах появился блеск.

– Не хотите ли вы сказать, – между тем опять повторил Гарри, – что братья Огден еще раз доказали: они лишь пара трусливых крыс, которые готовы тут же пуститься наутек, стоит лишь кому-то оскалить зубы!

Он сделал к ним один крохотный шаг, и оба верзилы испуганно шарахнулись в сторону.

– Не хотите ли сказать, что вы – парочка грязных жуликов? – продолжал Дестри. – Или просто трусливые койоты, – добавил уже громче, – что бегают взад-вперед по городу, стараясь походить на настоящих мужчин, у которых достаточно смелости, чтобы довести задуманное до конца?

Где же он, страх? Да его никогда и не было в этом человеке!

Его бескровное лицо было ярко освещено, ноздри яростно раздувались. Глаза, еще минуту назад тусклые и безжиз-

ненные, теперь горели огнем. Свидетели разыгравшейся сцены молчаливо отодвинулись и прижались к стене. Если сейчас кто-то и вызывал у них жалость, то это был уже не Дестри, а та парочка, что застыла перед ним.

Кларенс Огден вдруг истошно завопил каким-то странным визгливым голосом, который мог скорее принадлежать старухе, чем здоровенному молодцу:

– Ну, я до тебя доберусь, ты...

С этими словами он потянулся за оружием, но рука его замерла на полпути. Глаза Кларенса испуганно округлились при виде того, как Дестри молниеносно выхватил из кармана револьвер. Он был с длинным стволом, в свете ламп отливал синевой. Мгновение, и черное дуло грозно уставилось ему в лоб. Оглушительно прогрехотал выстрел.

Кларенс Огден сделал один неуверенный шаг вперед и покачнулся.

– Я... – произнес он дрожащим голосом, словно собираясь объяснить что-то, но тут глаза его закатились, он грузно осел и с грохотом рухнул бесформенной грудой на пол.

Его брат почти одновременно с ним схватился за оружие, но опоздал выстрелить всего на один вздох. Никто и глазом не успел моргнуть, как прогрехотал еще один выстрел – это пуля Дестри выбила из его руки пистолет. Джадд Огден завертелся волчком от нестерпимой боли, с оглушительным шумом свалился на пол. Но даже распростертый на полу, беспомощный, словно перевернутый на спину огром-

ный жук, все еще скреб пальцами доски и мучительно тянулся вперед, туда, где лежало его оружие.

Дестри молча обрушил ему на голову свой кольт, потом склонился над обмякшим телом. Джадд затих. Его огромная лапища застыла, вцепившись в пол скрюченными пальцами, будто в последнем усилии докопаться до чего-то, скрытого под неровными досками. Все его могучее тело распростерлось словно во сне.

Дестри молча смотрел на свою жертву. Потом, подняв голову, обвел глазами толпу зрителей, изо всех сил старавшихся вжаться в стену.

– Уверен, все вы, ребята, видели – у меня не было никакой возможности как-то им помешать. Я бы просто не справился с ними! Вы ведь поняли, этим парням до смерти хотелось заполучить мой скальп. Вот так всем и скажите! Ах, как жаль! Просто поверить не могу, что до этого дошло!

Он шагнул в сторону и остановился перед мужчиной, который был ближе всего к выходу.

– Джерри Венделл, это имя вам знакомо?

– Да, – с трудом выдохнул тот.

– Где он живет? Ну-ка, говорите! Мне уже рассказывали, да я запомнил!

Мужчина что-то боязливо шепнул ему на ухо, и Дестри двинулся к двери. Но уже взявшись за ручку, замешкался, обернулся, окинул взглядом два безжизненных тела, распростертых на полу, и вдруг рассмеялся! Никогда до самой

смерти все, кто слышал этот жуткий хохот, не смогут его забыть! Хлопнула дверь, и Дестри растворился в ночи.

Первым очнулся кабатчик. Страхнув с себя оцепенение, он кинулся к телефону, который висел на стене в дальнем конце бара, сорвал трубку.

– Один – девять – восемь, быстро, ради всего святого!

Все остальные присутствующие еще растерянно моргали глазами, переминаясь с ноги на ногу, обмениваясь ошеломленными взглядами. И вдруг услышали пронзительный дрожащий голос хозяина салуна:

– Это ты, Венделл? Говорят из салуна «Глоток удачи». Ты меня слышишь? Братья Огден попытались прикончить Дестри у меня в заведении. Теперь оба то ли мертвы, то ли при последнем издыхании. А он направляется к твоему дому! Выбирайся из города, быстро! Вон из города, если хочешь спасти свою шкуру! Он спятил, понимаешь? Это тебе не прежний Дестри! В нем сидит настоящий дьявол! Говорю тебе, Венделл, уноси ноги, пока не поздно!

Глава 9

В жизни Бенджамина Дэнджерфилда было нечто такое, от чего он не мог отказаться ни при каких условиях, а именно – привычка вставать с рассветом. Если он по какой-то несчастной случайности вдруг пропускал тот момент, когда ночная тьма постепенно сереет, а рассвет окрашивает небо на востоке в нежно-розовый цвет, то чувствовал себя совершенно больным и разбитым. Вот и сейчас: солнце еще не взошло, а он вместе с дочерью уже сидел за столом, уплетая завтрак за обе щеки.

– Кажется, я еще не показывался тебе в новом сюртуке. – Встав со стула, отец неуклюже повернулся перед Чарли, потом с довольным видом подцепил сочный ломтик ветчины и сунул его в рот. – Ну как тебе?

– Здорово! – одобрительно кивнула Шарлотта. – Вылитый игрок или карточный шулер с головы до ног! По крайней мере до колен, это точно!

Поскольку из-под сюртука торчали обычные застиранные джинсы светло-голубого цвета, заправленные в старые, до колен сапоги, которые за всю свою долгую жизнь не видели сапожной щетки, а о существовании крема для обуви, скорее всего, и не подозревали, старый Дэнджерфилд прежде, чем снова сесть, понимающе усмехнулся:

– На кого я похож той частью, что остается под столом,

мне мало дела. Важно, чтобы мне не пришлось краснеть за то, что над столом!

При этих словах он горделиво поправил пышный галстук и большим пальцем осторожно провел по усам.

– Конечно, – усмехнулась девушка, – к тому же это удобно, а что удобно, то и правильно, так я считаю. Если на наших собак, вечно шныряющих под столом, натянуть штаны, думаешь, им это понравится? Да и моей кошке тоже!

– А представь себе, – добавил отец, – что тебе срочно придется поехать верхом или поправить упавшую изгородь. Что может быть лучше старых джинсов, ну-ка, ответь?

– Ничего, – признала дочь. – К тому же они достаточно крепкие.

– Или, предположим, ты устал и хочешь отдохнуть. Неужто сядешь на землю в щегольских брюках? Да никогда в жизни!

– Нет, сэр, ни за что!

– Тогда чего это ты так развеселилась? – подозрительно спросил он. – А кстати, раз уж мы заговорили о собаках, куда запропастилась твоя гончая, та, в крапинку? Что-то я сегодня утром ее не видел.

– Скорее всего, спит сном праведника на твоей постели, – предположила Чарли. – Ты, наверное, завалил ее одеялами, когда встал, вот она и не проснулась.

– Точно! – фыркнул он. – Держу пари, так оно и есть! А ну-ка, Моз, беги навверх да посмотри, там ли эта проклятая

собака, слышишь?

Моз мгновенно исчез.

— А ты неплохо выглядишь, дочка, во всяком случае, не слишком несчастной. — Отец испытующе посмотрел на нее. — Отрежь-ка горбушку от этой кукурузной лепешки да передай ее мне. Черт побери, опять холодная! Слушай, когда-нибудь я доберусь до этого никчемного нигтера, что строит из себя повара, и сделаю из него котлету! Так что, если не хочешь такого, прими меры и вбей это в его пустую башку!

— Как я могу вбить что-то в его башку, хотелось бы мне знать? — вспыхнула дочь. — Я уже, наверное, раз десять выгоняла вон этого бездельника Элайю, а ты каждый раз брал его обратно!

— В нашей семье, — заявил Дэнджерфилд, — даже ниггеров не выгоняют вон. Слава тебе Господи, уж тебе бы это следовало знать!

— Тогда и не возмущайся. Подумаешь, коврижка холодная! Можешь и за это вознести хвалу небесам. А потом, я уверена, весь бедлам у нас на кухне вовсе не из-за него, а из-за проклятых баб! Я бы и Марию уволила, толку от нее все равно никакого, — добавила Чарли, — но, дьявол меня возьми, если эта проклятая кухарка не начинает тотчас выть, как шавка на луну, стоит лишь об этом заговорить! В прошлый раз она вообще устроилась под дверью моей спальни и просидела там битых три часа, пока у меня волосы дыбом не встали.

– Попробуй урезать им жалование, – предложил Дэнджерфилд. – Терпеть не могу, когда ты швыряешь деньги на ветер, особенно на этих проклятых ниггеров, от которых все равно никакого проку.

– Ну и как ты это себе представляешь?! – огрызнулась девушка. – Что им эти деньги? Можно подумать, они не работали на нас годами без всяких денег. Да и что на них могут купить?

– Деньги ниггерам ни к чему, – заявил Дэнджерфилд. – Деньги и право голоса – все это не доведет их до добра. Передай-ка мне вон ту рыбу. Черт побери, да неужели нельзя приготовить что-то такое, от чего бы слюнки потекли?!

– Ну и замашки у тебя! – засмеялась Чарли. – И ведь только с тех пор, как появились деньги за душой! А ведь я еще хорошо помню те времена, когда мы были рады, если имели на завтрак кукурузную лепешку, а о яйцах, ветчине, рыбе или молоке даже и не мечтали! Не говоря уже о кофе!

– Неправда! – возразил отец. – Не было такого! Даже в самые тяжелые времена, когда мне приходилось туго, я и помыслить не мог, чтобы обойтись без кофе к завтраку!

– Да уж, – пробурчала Шарлотта, – только тогда приходилось заваривать его и во второй, а порой и в третий раз, да добавлять побольше мелассы¹, чтобы хоть чем-то пах! Не кофе, а бурда!

– Ты сегодня не в духе, – решил старик. – Колешься, слов-

¹ Меласса – черная патока. (Здесь и далее примеч. перев.)

но гвоздь в подметке! А приветливости в тебе, дочка, ровно столько, сколько в мотке колючей проволоки! Знал бы заранее, рта бы не открыл, вот так-то, Чарли!

– Можно подумать, я тебя об этом просила! – буркнула она.

– Почему бы тебе в таком случае не проехаться верхом и не оставить своего бедного старого отца наслаждаться завтраком в одиночестве?

– Потому что в этом случае единственное, что мне останется, – это переживать из-за наших негров, – невозмутимо ответила она, подперев подбородок ладонью.

– Но, Чарли, милочка, если они так тебя огорчают, почему бы тебе не собраться с духом и не рассчитать их?

– У нас в семье это не принято, – со вздохом отозвалась она. – Ты сам только ворчать умеешь!

– Тогда к чему огорчаться из-за такой ерунды? – спросил он ласково.

– Просто я потеряла человека, которого любила, – пояснила Чарли. – Назад вернулась только его тень.

– А ты плюнь на него! – посоветовал отец. – И заведи роман с другим, да поскорее! В конце концов, насколько я помню, с тех пор как ты выросла, вокруг тебя вечно крутится не меньше дюжины молодых идиотов! Вся эта свора раньше гоняла моих свиней, пугала коров, тоннами пожирала мои яблоки, а теперь галлонами пьет мое виски так, что хватило бы, наверное, для полива нескольких акров пшеницы, и все

из-за того, что ты выросла всего лишь наполовину такой же хорошенькой, какой была твоя мать!

– Большое спасибо! – хихикнула она. – Похоже, тебе не терпится спихнуть меня замуж за кого-нибудь из этих ослов! Ну и славный же выйдет союз, если любви в нем – кот наплакал! К тому же я вообще пока что не собираюсь замуж, если хочешь знать!

– Если не собираешься в ближайшее время выбрать себе мужа по сердцу, то могла бы по крайней мере подучить грамматику! – отрезал он. – Да если кто услышит, как ты говоришь, нипочем не поверит, что ты когда-то ходила в школу!

– Не переживай, – отмахнулась дочь. – Раз в неделю и я говорю правильно. А все остальное время болтаю, как вздумается. Если ты насчет моего выговора, так что мне до него? Скажи на милость, какое дело наречию, если им попользуются как прилагательным? Слову-то от этого ни жарко, ни холодно, да и мне, кстати, тоже. К тому же и нигтеры так меня лучше понимают. Словом, все счастливы, а это самое главное!

– А я вот подметил, что молодой Честер Бент порой морщится, когда слышит кое-какие твои словечки, – заявил Дэнджерфилд.

– «Молодой Честер Бент»! – фыркнула она насмешливо. – Да он проглотит, если я заговорю на ломаном индейском, как команчи, только бы за мной стояли денежки Дэнджерфилдов!

– Вот так всегда! – ухмыльнулся старик. – Вечно ты подозреваешь какие-то низкие мотивы там, где другие видят только высокие стремления! Говорю тебе, с парнем все в порядке!

– Да неужто? – огрызнулась она. – А кстати, кто это там пробирается через наше поле?

– Мне нет дела до того, кто это! – отмахнулся старик. – Послушай меня, девочка, Честер Бент – один из лучших.

– Такое впечатление, будто он гонится за кем-то, – не слушая его, продолжала Шарлотта, – или сам пытается удрать.

Дэнджерфилд наклонился вперед, чтобы разглядеть хоть что-то сквозь узкий просвет между деревьями, которые высоким забором окружали их фермерский домик. Он увидел всадника, безжалостно нахлестывающего измученную лошадь, а та лишь мотала головой, от усталости одинаково равнодушная и к уговорам, и к шпорам.

– Смотри, он оглядывается назад! – воскликнула девушка. – Похоже, здорово чего-то боится. Гляди, отец, мчится сюда, как гофер², который готов спрятаться в любую нору, когда над ним кружит ястреб!

– Кто бы это мог быть? – удивился Дэнджерфилд.

– Какой-то городской, – отозвалась она, – не могу себе представить, чтобы кто-то из наших ковбоев болтался в седле, словно куль с мукой!

– Да ты только вспомни Гаррисона Дестри! – пробормотал

² Гофер – американская мешотчатая крыса.

отец.

Всадник на мгновение скрылся за деревьями. Через пару минут в дверях появилась насмерть перепуганная негрityнка.

— Полковник Дэнджерфилд, тут какой-то молодой джентльмен говорит, что ему срочно нужно вас видеть!

Вначале Дэнджерфилда называли полковником только домашние. Потом, когда он стал достаточно богат для того, чтобы самому ссужать деньги вместо того, чтобы брать их в долг, звание превратилось в нечто вроде титула. А теперь уже вся округа именovala его только «полковником Дэнджерфилдом».

Полковник открыл было рот, чтобы, как подобает гостеприимному хозяину, приказать звать гостя к столу, но тот уже сам возник в дверях, робко выглядывая из-за пухлого плеча кухарки. Первое, что бросилось хозяевам в глаза, — была пыль. Она толстым слоем покрывала приехавшего с головы до ног и лежала на плечах, будто свежавыпавший снег. Парень дернул с головы шляпу, открыв торчащие космы нечесаных волос, похожие на воронье гнездо. Шагнув вперед, он остановился, слегка покачиваясь на подгибающихся от усталости ногах. Лицо его было обветрено, глаза глубоко запади. Но даже под слоем пыли можно было заметить правильные черты лица, а кое-кто считал его самым красивым парнем в округе. Это был Джерри Венделл.

Войдя в комнату, он как подкошенный рухнул в кресло.

– Заприте дверь, полковник! Он гонится за мной по пятам! Хочет прикончить меня! Уже убил двоих в городе этой ночью! Потом отыскал меня и гнал через все эти холмы, как гончая зайца! Я чуть ли не круг сделал вокруг города, и все это время он дышал мне в затылок!

– Закрой ставни и запри дверь, Чарли, – хладнокровно велел полковник. – И передай мне винтовку. Слава Богу, я еще вчера собственноручно зарядил ее. А теперь, Джерри, расскажи, сколько их и кто они такие, те, кто охотится за тобой. А главное, какого дьявола им понадобилось гнать тебя именно ко мне на ранчо? Ну-ну, парень, хватит дрожать, в самом деле! Теперь тебе нечего бояться! Мои ниггеры тебя в обиду не дадут. Так сколько их там, твоих преследователей?

– Только один, – задыхаясь, выпалил Джерри Венделл. – Только один, но это сам дьявол! И мне ничуть не стыдно, что он заставил меня удирать сломя голову! Да вы его знаете! Не могли не слышать о нем!

– Ничего мы не знаем.

– Это Гарри Дестри, он сошел с ума!

Винтовка выпала из рук девушки и с грохотом отлетела в угол.

А Джерри Венделл, глаза которого, казалось, в любую минуту вылезут из орбит, вскочил и стал судорожно метаться по комнате, пытаясь отыскать укромный уголок, продолжая выкрикивать на ходу подробности. Беднягу просто трясло от ужаса, отец и дочь едва могли разобрать, что он бормочет.

– Это какой-то кошмар! Ловко же он всех нас провел! Помните? Ломал комедию, дескать, не помнит себя от страха, боится собственной тени! Ох, а мы, идиоты, поверили, будто этого проклятого Дестри можно чем-то запугать! На самом деле он загнал нас в ловушку – каждого, кто был на том проклятом суде! Боже милостивый, сейчас я бы что угодно отдал, только бы в тот день оказаться в другом месте! Теперь он прикончит и самого судью! Да, надеюсь, он его прикончит!

– Возьми себя в руки, – спокойно произнес полковник. – О чем это ты? Я сам видел, как Дестри ползал на брюхе, будто паршивая собачонка, когда получит пинка под зад! А теперь ты являешься сюда и несешь какую-то чушь! Да неужто я поверю, что этот трус и в самом деле устроил такой переполох?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.